

ЧИНГУЗ АБДУЛЛАЕВ

НОВИНКА

КАМНИ
ПОСЛЕДНЕЙ СТЕНЫ

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Камни последней стены

«PEN-клуб»

2001

Абдуллаев Ч. А.

Камни последней стены / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2001 — (Дронго)

Ценой двух человеческих жизней удалось российским спецслужбам предотвратить передачу в ЦРУ засекреченных сведений, ставящих под удар всю «русскую» резидентуру в Германии. Однако разведке становится известно о подготовке новой операции... Специальный агент Дронго, которому поручено это дело, уверен: предатель – один из бывших сотрудников секретной группы «Штази». Однако – кто из пятерых? У каждого – свои мотивы. Под подозрением – все пятеро. Виновен – только один...

© Абдуллаев Ч. А., 2001

© PEN-клуб, 2001

Содержание

Начало	5
Часть первая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Чингиз Абдуллаев

Камни последней стены

*"В этой проклятой жизни все узнаешь.
Кажется, я уже начинаю узнавать. Просто
внутри все умирает, и тогда все очень
легко. Живешь, не живя, как очень многие
люди почти всю жизнь. Наверно, так оно и
бывает. Наверно, так оно и должно быть".*
Э.Хемингуэй. «Иметь и не иметь»

Начало

*Берлин.
21 октября 1999 года*

По-существу, это пригород большого Берлина. Когда еще существовала Стена, это был городок с местным самоуправлением в пригороде Восточного Берлина. Однако после объединения Германии мегаполис стал стремительно расширяться и через десять лет Нойенхаген можно было смело назвать пригородом Берлина.

Моросил дождь. Дитрих Барлах сидел в автобусе, глядя на серые дома, проплывающие мимо него. Его одутловатое, изборожденное морщинами лицо носило отпечаток тех испытаний, которые судьба преподнесла этому преуспевавшему некогда человеку. Рядом смеялись молодые люди. Они целовались, не обращая внимания на пассажиров. Барлах отвернулся: его это раздражало.

В Нойенхагене он вышел за два квартала до своего дома. Привычка из осторожности проходить это расстояние пешком сказалась и на этот раз. Кажется, из автобуса больше никто не вышел. Барлах оглянулся. Болели ноги. В его возрасте ноги еще не должны беспокоить. Ему только пятьдесят два года. Но они болят. Наверно, он застудил их в те осенние дни восемьдесят девятого, когда приходилось часами стоять на этих проклятых митингах, сдерживая напирающую толпу. В конце концов он сам виноват, что все так получилось. Другие устроились лучше. Впрочем, если все получится, он наконец наладит и свою жизнь. Вставит новые зубы, купит бунгало где-нибудь на островах Тихого океана или домик в США. Найдет приличную женщину, конечно немку, американки ему всегда не нравились. Заведет себе детишек, вылечит отмороженные ноги, застарелый радикулит и наконец сможет жить, как должно жить человеку.

Барлах посмотрел в стекло витрины магазина. Через него можно увидеть любого, кто будет его преследовать. Но кроме молодой женщины с ребенком, спешившей в другую сторону, никого не было.

Бывшие пригороды Восточного Берлина все еще оставались «советскими» городками, с казарменным обликом улиц, кварталов, с безликими домами, построенными по типовым проектам. Барлах переехал сюда много лет назад, после развода с женой. Тогда в городке еще можно было услышать смех и увидеть счастливых людей. Потом их становилось все меньше и меньше. Молодежь переселялась ближе к центру или уезжала на Запад. Здесь остались только пенсионеры и люди, разуверившиеся в новых преобразованиях.

Барлах пошел дальше. У своего дома он встретил соседа. Они жили в одном подъезде, но до сих пор не были знакомы и не знали друг друга по имени. Буркнув приветствие, Барлах вошел в подъезд и поднялся на второй этаж. Войдя в квартиру, он услышал привычное мяуканье и горько усмехнулся. С прошлого года единственным его близким существом была

кошка, которую он подобрал на улице. Барлах снял старую куртку и повесил на вешалку. Затем достал сигареты и отворил дверь на балкон, чтобы выйти и закурить. Такая привычка осталась еще с тех пор, когда он был женат, – его супруга не выносила табачного дыма. Сейчас он был один и мог курить даже лежа в постели. В этой квартире никто не нарушал его одиночества. Женщины его давно не интересовали, а друзей у него не осталось. За исключением одного, которому он очень верил.

За спиной мякнула кошка. Барлах обернулся и усмехнулся. Хочет молока. Он прошел на кухню, достал пакет с молоком и тарелку.

– Иди, – позвал он кошку, поставив тарелку с молоком на пол.

Он не заметил стоявшую около дома машину, которая выехала из-за угла, когда он уже вошел в дом. Это был темно-серый «фольксваген». В нем находились два человека. Сидевший за рулем взглянул на своего спутника. Тот кивнул. Не было произнесено ни слова. Второй достал мобильный телефон.

Барлах еще раз позвал кошку. Она почему-то не пришла на кухню. Он разозлился. В конце концов он не обязан кормить ее, выкраивая марки из своей пенсии.

– Где ты? – зло спросил Барлах.

В столовой послышался шум. Он прошел в комнату и увидел, что кошка выскочила на балкон.

– Черт тебя возьми, – выругался Барлах, – еще не хватало, чтобы ты носилась по балконам.

Он поспешил за кошкой. И проходя через столовую, механически включил свет. Сидевшие в «фольксвагене» увидели, как загорелся свет в доме. И один из них, державший в руках аппарат мобильной связи, начал набирать номер. В этот момент Барлах вышел на балкон. Он не мог представить, что это маленькое животное спасет ему жизнь. Выйдя на балкон, он увидел, как она спускается по водосточной трубе.

– Куда? – хотел крикнуть Барлах, но в этот момент раздался телефонный звонок. Он обернулся. Телефон зазвонил второй раз.

Откуда ему было знать, что именно два телефонных звонка служили условным сигналом для включения взрывного устройства. Барлах смотрел на аппарат, понимая, что нужно войти в комнату и взять трубку. И в этот момент раздался страшный взрыв. Взрывной волной его выбросило во двор вместе с оторвавшимся от здания балконом. Очевидно, даже немецкие строители, построившие дом в начале семидесятых, не полностью избавились «от родимых пятен социализма» и сэкономили на цементе. Балкон оторвался и рухнул.

Барлах был еще в сознании, когда услышал завывание полицейской сирены и почувствовал, что чьи-то руки осторожно поднимают его голову.

– Кажется, он еще жив, – взволнованно сказал кто-то из соседей.

Барлах с трудом открыл один глаз. Последнее, что он увидел, – кошку, смотревшую ему в глаза, и потерял сознание.

Москва. Ясенево.

23 октября 1999 года

– Как это могло случиться? – Он спрашивал тем свистящим шепотом, который выражал высшую степень негодования.

– Мы ничего не понимаем, Георгий Самойлович, – оправдывался сидевший перед ним генерал. – Все было сделано, как нужно. Он вошел в дом и включил свет. Кроме него в квартире никого не было. Наши сотрудники вывели сигнал на телефонный звонок. Это самая надежная система. Взрыв происходит даже в том случае, если объект не поднимет трубку. Два звонка – и сигнал срабатывает.

– Значит, он не сработал, – зло прервал хозяин кабинета, – и Барлах остался жив. Он тяжело контужен. Его отвезли в больницу. Неужели нельзя было выполнить задание нормально?

– Это случайность. Там были наши лучшие специалисты. Барлах вышел на балкон как раз в тот момент, когда произошел взрыв. И балкон оторвало взрывной волной. Это абсолютная случайность, Георгий Самойлович. Мы попытаемся исправить свою ошибку и достать его в больницу.

– Случайность, – зло повторил за генералом его собеседник. – Вы могли бы знать, что в нашем деле случайности недопустимы. И в больницу лезть не нужно. Он ведь только передаточное звено. Необходимо выявить его источник и постараться ликвидировать этого человека до того, как он передаст сведения Барлаху.

– Так точно, Георгий Самойлович. На этот раз мы не допустим случайностей.

– Надеюсь, – он помолчал. – Мы проанализировали состав их группы. Все наши аналитики полагают, что это Фредерик Нигбур. Если вам удастся ликвидировать информатора, мы будем гарантированы от всяких неожиданностей, связанных с Барлахом. Вы меня понимаете, генерал?

– Два дня, – кивнул генерал, поднимаясь со стула. – За два дня мы решим эту проблему. Я даю вам слово.

Гамбург.

25 октября 1999 года

Пригород Гамбурга Ольсдорф находился рядом с аэропортом Фульсбюттель, и он часто слышал шум взлетающих самолетов, когда проезжал по трассе, ведущей на север. Сегодня утром он должен был отправиться по делам их фирмы в Любек. Нигбур считал, что ему повезло. Даже несмотря на то, что он жил с семьей в небольшой квартире, за которую платил так много. Даже несмотря на характер его работы, связанной с постоянными переездами по делам их машиностроительной фирмы. Другие сотрудники бывших спецслужб ГДР не могли найти и такой работы. Это был своеобразный «волчий билет» – бывших сотрудников «Штази» не брали на работу ни при каких обстоятельствах. А тем более – в западных землях. Ему помог брат жены. Юрген пригласил их в Гамбург, где Нигбура никто не знал. Правда, он честно указал в анкете, что работал сотрудником Министерства безопасности Восточной Германии, но руководитель фирмы был родом из восточных земель и не придавал этому никакого значения.

Нигбур сильно изменился за последние десять лет. Он поседел, поправился, отпустил небольшой животик. В свои сорок пять он стал грузным, мрачным бюргером. Его интересовали только проблемы его семьи и работы. Сегодня нужно было выехать пораньше, и он предупредил жену, что уедет в восемь утра. Вчера сообщили, что возможен туман на дорогах, и он решил отправиться немного раньше, чтобы успеть к вечеру вернуться домой.

Его старый «рено» стоял около дома. У него не было денег на гараж и на другую машину. Приходилось довольствоваться этим автомобилем. Правда, Нигбур, со свойственной немцам упертостью, был уверен, что рано или поздно он сумеет подняться. Дела в их компании шли неплохо, и ему совершенно определенно обещали повышение по службе. Ценилось и его знание языков – русского, чешского, английского.

Выйдя из дома он увидел у своей машины двух полицейских. Только этого не хватало. Он всегда невольно нервничал, когда встречал полицейских у своего дома. Как будто он все еще ждал неприятностей из-за своей работы в «Штази». Правда, его вызывали несколько раз в качестве свидетеля в суд, но никто и никогда не предъявлял ему конкретных обвинений.

Один из полицейских наклонился, очевидно, рассматривая колеса. Затем поднялся. Нигбур подошел.

– У меня проблемы? – заискивающе улыбнулся он. – Доброе утро. Здесь стоянка разрешена.

– Все нормально, – ответил полицейский. В его речи чувствовался акцент. Наверно, он из судетских немцев. Они говорят с таким акцентом. Хотя только старики, у молодых его уже нет.

– Спасибо, офицер. – Нигбур сел в свой «рено» и, осторожно выруливая, отъехал от дома. Сотрудники полиции долго смотрели ему вслед.

– Все в порядке, – сказал один из них, обращаясь к другому. Он посмотрел на своего напарника, и тот кивнул, вдруг добавив по-русски:

– Нужно проследить.

Они быстро подбежали к светлому «оппелю», стоявшему метрах в двадцати, и выехали за автомобилем Нигбура, ориентируясь на маяк, установленный на его машине.

Нигбур выехал на дорогу и, обогнув аэропорт, направился через Лангенхорн на трассу. Через несколько минут его автомобиль уже двигался по трассе, набирая скорость. «Нужно по позже позвонить домой», – подумал Нигбур. Хотя он через полтора-два часа уже будет в Любеке и сможет позвонить, после того как закончит дела. Он посмотрел на часы. Если все будет нормально, он успеет сегодня вернуться в Гамбург. Не хотелось бы оставаться в придорожной гостинице. Он не любил отели, их стандартные запахи и безликие номера.

На трассе его «рено» набрал довольно приличную скорость. Стало больше машин. Немцы трудоголики и поэтому поднимаются с рассветом. Он обратил внимание на появившийся позади него белый «оппель», который почему-то его не обгонял и держался на почтительном расстоянии.

– Странно, – подумал Нигбур. Привычка отмечать автомобили, идущие на трассе за его машиной, стала частью его натуры. Он нахмурился. Неужели появление полицейских было запланировано, и за ним теперь организовано внешнее наблюдение? Только этого не хватало. Хотя, чему удивляться. Все бывшие сотрудники «Штази» находились под пристальным вниманием западногерманских спецслужб.

Туман сгустился. На одном из поворотов Нигбур вспомнил о полицейском. «Акцент, – подумал Нигбур. – Ведь он сравнительно молодой человек. Такой акцент может быть у немцев, проживших долгие годы в славянской стране. Или... или у славянина, говорящего по-немецки». Нигбур вспомнил выражение лица второго полицейского и прибавил скорость. «Оппель» также пошел быстрее.

«Почему я становлюсь таким подозрительным? – подумал Нигбур. – Ведь это мог быть немец, переехавший из России. Сейчас здесь много немцев из бывшего Советского Союза. И конечно, он может говорить с подобным акцентом. В этом нет ничего удивительного».

«Оппель», набирая скорость, пошел на обгон. «Ну вот и прекрасно, – подумал Нигбур, взглянув в зеркало заднего обзора. – Пусть уезжают, иначе моя подозрительность постепенно перейдет в манию».

«Оппель» поравнялся с его «рено», собираясь обойти его слева. Нигбур невольно перевел взгляд на пассажиров «оппеля». И в последний момент узнал сотрудников полиции, которых встретил у своего дома. Он не успел ни удивиться, ни испугаться. Один из пассажиров «оппеля» привел в действие дистанционное устройство, отключившее на мгновение все системы в его машине. «Оппель» резко свернул вправо. Нигбур попытался взять правее, но здесь был крутой склон. Он почувствовал, что руль не слушается его, и нажал на тормоза. Но автомобиль ему уже не подчинялся. Ломая бетонные заграждения, «рено» рухнул со склона, перевернулся несколько раз и ударился о дерево. От удара автомобиль вспыхнул. «Оппель» остановился, и пассажиры вышли из машины.

– Нужно спуститься проверить, – сказал один из них.

– Да, – согласился второй. У него были светлые холодные, безжизненные глаза, какие бывают у дешевых игрушек, которым в пустые глазницы вставляют два тусклых глаза.

Берлин.

28 октября 1999 года

Величественное здание посольства бывшего Советского Союза на Унтер ден Линден напоминало скорее роскошный дворец, чем дипломатическое представительство. В прежние годы, во времена ГДР, здесь находилась по-существу резиденция советского наместника в Германии, настолько значимым был пост посла Советского Союза. Правда, многое зависело и от самого посла. Некоторые серьезно полагали себя настоящими губернаторами на завоеванных территориях. У некоторых хватало ума считать себя стратегическими союзниками. Здания посольства и прилегающего к нему торгового представительства занимали целый квартал. Здесь же располагалось представительство «Аэрофлота».

В первой половине девяностых здесь было необычно тихо. Однако строительство, ведущееся за Бранденбургскими воротами, не могло не сказаться и на главной улице города. Началась реконструкция магазинов и кафе. Рядом с воротами, служившими границей между двумя мирами, с прежней роскошью и великолепием был восстановлен отель «Адлон», некогда один из лучших в Германии. Поменялась табличка и на советском посольстве, которое стало российским, и теперь здесь находился посол России.

Это была всего лишь парадная вывеска дипломатического представительства. Разведчики и дипломаты предпочитали встречаться в других местах, а партийные бонзы принимали советских друзей в Панкове, в пригороде Берлина, где они жили. Именно сюда, в Панков, был один из сотрудников российского посольства на встречу с представителем БНД – западногерманской разведки.

Для БНД не было секретом, что Михаил Воронин – один из сотрудников посольства, работавших на СВР. Представители БНД попросили о встрече с Ворониным для более предметного разговора на интересующую их тему. Воронин хорошо знал своего собеседника – Вальтера Хермана, представлявшего БНД в Берлине. Западногерманская разведка традиционно располагалась в Пуллахе, местечке под Мюнхеном, и не собиралась никуда переезжать даже после объединения Германии.

Сотрудники двух разведывательных ведомств прибыли почти одновременно, обоюдно демонстрируя точность и вежливость. Они были чем-то похожи. Оба чуть выше среднего роста, плотные, коренастые, внимательные, осторожные, с несколько стертыми лицами, какие бывают обычно у разведчиков, привыкших подавлять собственную индивидуальность.

– Добрый день, герр Воронин, – приветствовал своего российского коллегу Вальтер Херман. – Кажется, мы не виделись уже два месяца.

– Здравствуйте. – Воронин протянул руку. Он знал, что его собеседник понимает по-русски, но разговор шел на немецком.

– Вы хотели со мной встретиться? – спросил Воронин. – Что случилось, герр Херман?

– Я встретился с вами по поручению моего руководства, герр Воронин, – сообщил Херман. – Признаюсь, мы не ожидали подобных действий от вашей службы. Если бы не наши давние отношения, мы немедленно приняли бы меры по выдворению из нашей страны ваших представителей.

– Интересное начало, – мрачно заметил Воронин. – Надеюсь, мы разрешим наши недоумения.

– Не уверен. Я уполномочен заявить протест. Мы не ожидали подобных действий со стороны вашей службы, – повторил с явным возмущением Херман. – Неделию назад ваши сотрудники устроили взрыв в Нойенхагене, едва не уничтожив некоего Дитриха Барлаха. Три дня назад кто-то подстроил автомобильную катастрофу на трассе Гамбург-Любек некоему Фредерику Нигбуру. Вы знаете, что все бывшие сотрудники «Штази» находятся под нашим неглас-

ным наблюдением. Нам нетрудно было установить, что Барлах был осведомителем «Штази» и сотрудничал именно с Нигбуром, которому вы так ловко помогли отправиться на тот свет.

– У вас есть доказательства?

– Конечно, – кивнул Херман, – наши эксперты проверили машину Нигбура. Там был найден сгоревший маяк, по которому можно было определить, куда именно направляется Нигбур. Кроме того, наши эксперты полагают, что снаружи был подан импульс, подавляющий работу электрических систем в автомобиле погибшего. Я думаю, мы будем настаивать, чтобы вы немедленно покинули Германию, даже если вы никогда не были в Гамбурге. Эксперты легко установили, что смерть Нигбура не была случайной. С некоторых пор мы стали особенно тщательно следить за дорожными происшествиями, в которые попадают бывшие сотрудники спецслужб ГДР.

– Не понимаю, какое отношение это имеет к нашим сотрудникам?

– Герр Воронин, ваши люди организовали взрыв в квартире Барлаха. Там пострадало еще шесть квартир, есть несколько раненых. У Нигбура осталась вдова, которая потребует большой компенсации, если выяснится, что он погиб не своей смертью.

– Вы полагаете, мы можем договориться?

– Конечно. Вы сообщаете нам причины вашей очевидной нелюбви к Барлаху и Нигбуру, а мы высылаем вашего сотрудника и не предаем огласке аварию, в которую попал Нигбур. Думаю, вы не будете доказывать, что Барлах и Нигбур не были даже знакомы?

Воронин остановился. Он был в темном плаще, его собеседник – в темной куртке. У обоих клетчатые темные кепки. У Воронина – синяя, у Хермана – коричневая.

– Я должен доложить о нашем разговоре в Москву, – ответил Воронин. Он понимал, насколько важен их разговор для руководства Службы внешней разведки России.

– Конечно, – согласился Херман, – но мы хотели вас предупредить, что в случае повторного террористического акта, проведенного на территории Германии или в любом другом месте против наших граждан, мы немедленно предадим огласке все имеющиеся у нас сведения. Вы меня понимаете, герр Воронин?

Москва. Ясенево.

29 октября 1999 года

Совещание началось ровно в десять утра. За столом сидели несколько человек. Каждый из них осознавал меру собственной ответственности и личную причастность к проводимой операции. Здесь собрались люди, допущенные к самым важным секретам внешней разведки России. Вел совещание руководитель Службы внешней разведки.

– Положение не просто сложное, – закончил он свое выступление. – Мы поставлены перед лицом самой серьезной угрозы, которая когда-либо существовала для нашей службы в Европе. Очевидно, речь идет об «апостолах», особо законспирированных агентах, о которых никто и никогда не должен был знать. Но неизвестный нам источник согласился предоставить американцам всю информацию по этим агентам, добавив к ним списки агентуры, которую нам удалось «законсервировать» в период объединения Германии. Георгий Самойлович, – обратился он к одному из своих заместителей, – я хочу знать ваше мнение о случившемся.

Здесь не принято было вставать. Несколько пар внимательных глаз посмотрели на заместителя руководителя Службы внешней разведки, курировавшего в том числе и агентуру в Центральной Европе. Георгию Самойловичу Осипову было пятьдесят два года. Это был настоящий профессионал, один из тех, кому удалось остаться в разведке после распада Советского Союза и развала КГБ. Только благодаря усилиям академика Примакова, возглавившего внешнюю разведку России в этот сложный период, удалось сохранить кадры и потенциал бывшего

Первого главного управления. Среди профессионалов, работающих во внешней разведке, уже третий десяток лет был и генерал Осипов.

– Мы получили сообщение о возможной сделке, – глуховатым голосом пояснил Осипов. – Неизвестный нам агент вышел через некоего Дитриха Барлаха на резидентуру ЦРУ в Берлине и предложил эти списки за совершенно фантастическую сумму – пятьдесят миллионов долларов. Подобная сумма и заинтересованность американцев в покупке вынудили нас проверить сообщение Барлаха. Он оказался сотрудником полиции, был уволен на пенсию по инвалидности еще при режиме Хонеккера. По некоторым сведениям, также работал платным агентом «Штази», выполнял отдельные поручения.

Барлах, очевидно, был связным, через которого на американцев пытался выйти настоящий агент. Мы не могли допустить, чтобы подобные списки, если они действительно находились у напарника Барлаха, попали в руки американцев. После тщательного анализа мы пришли к выводу, что Барлах мог работать с одним из бывших сотрудников так называемой группы «П» – специальной группы полковника Хеелиха, сотрудники которого готовили списки агентов к длительной «консервации».

Наши аналитики провели определенную работу и выяснили, что вместе с Барлахом работал Фредерик Нигбур, бывший сотрудник группы «П». Было принято решение об оперативном вмешательстве. В результате Нигбур погиб в автокатастрофе, а в доме Барлаха произошел взрыв, но по не выясненным до конца причинам Барлах остался жив и попал в больницу.

Сидевший рядом с Осиповым генерал Минулин мрачно кивнул. Он лично отвечал за своевременную ликвидацию Барлаха и Нигбура. Подчинявшийся Минулину начальник отдела, который непосредственно руководил действиями своих подчиненных, уже получил строгий выговор. Генерал Минулин помнил об этом, и поэтому упоминание о Барлахе заставило его нахмуриться.

– Мы полагали, что ликвидировали опасность, связанную с этими списками, – пояснил Осипов, – однако оказалось, что мы ошиблись. – Он чуть поколебался и твердо повторил: – Мы неправильно рассчитали – и ошиблись. Нигбур не был напарником Барлаха. Это теперь очевидно. Врачи считали, что смогут выпустить Барлаха из больницы к десятому ноября. Но американцы перевели его в свой военный госпиталь. Они, очевидно, решили таким образом гарантировать его безопасность. Мы еще не знаем, каким образом Барлаху удалось связаться из больницы со своим напарником, который подтвердил, что десятого числа состоится передача документов. Из наших источников мы получили подтверждение, что передача документов состоится именно десятого ноября.

– Вы закончили? – холодно спросил руководитель Службы внешней разведки.

– Да, – кивнул Осипов. – Мы ошиблись с Нигбуром и не смогли вычислить возможного напарника Барлаха.

– Генерал Светлицкий, – хозяин кабинета посмотрел на сидевшего напротив Осипова четвертого человека, – мы вас слушаем.

– Вчера наш представитель в Берлине имел неприятную беседу с высокопоставленным сотрудником БНД, – коротко сообщил Светлицкий. – Немцы официально предостерегли нас от дальнейших активных действий в Германии. В случае любой ликвидации одного из оставшихся сотрудников группы Хеелиха они предадут огласке материалы по фактам убийства Нигбура и покушения на Барлаха.

– Вот и все, – подвел итоги хозяин кабинета. – Итак, мы имеем следующую картину. Кто-то из сотрудников Хеелиха, до сих пор нам неизвестный, предложил через Барлаха списки агентуры, которые имеют для нас абсолютную стратегическую ценность. Более того, в случае опубликования имен агентов-«апостолов» мы рискуем оказаться вовлеченными в самый громкий международный скандал. И наконец, самое важное. Наша неудача с Барлахом и ошибка с Нигбуром привели к тому, что мы сами себя загнали в угол и лишились возможности активно

действовать против американцев в Германии. Все верно, Георгий Самойлович, я ничего не пропустил? – несколько раздраженно спросил он, обращаясь к генералу Осипову.

– Верно, – вздохнул тот. – Мы больше не имеем права на ошибку.

– Сколько членов группы Хеелиха осталось в живых? – уточнил руководитель Службы внешней разведки.

– Трое – в Германии, один – в Израиле. Четверо, если не считать Шилковского, – задумчиво произнес Осипов. – Изначально их было восемь человек. Хеелих убит, один умер, Нигбур погиб несколько дней назад. Осталось пять человек.

– У вас есть твердая уверенность, что информатор Барлаха – член группы Хеелиха? Может, это другой человек? – спросил Светлицкий.

– Наши аналитики считают, что только сотрудник группы Хеелиха мог иметь доступ к этим материалам, – пояснил Осипов.

Наступило молчание. Три генерала внешней разведки и руководитель службы молчали. Каждый из присутствующих понимал серьезность случившегося. Случайные люди не могли стать руководителями СВР. Времена наивных демократов начала девяностых, когда к власти пробилась дилетанты и романтики, давно прошли. Впрочем, во внешней разведке таких и не было. На это совещание могли попасть только те, кто прошел самый жесткий отбор и был проверен многолетней работой.

– Что вы предлагаете? – спросил руководитель СВР.

– У нас в запасе только десять дней, – сказал Осипов, – если учесть, что в октябре тридцать один день. И за десять дней мы должны вычислить напарника Барлаха. Попасть к Барлаху мы не сможем. Американцы выставили мощную охрану. Полагаю, что они хотят помешать немцам получить доступ к имеющейся у него информации. Однако нам ликвидация Барлаха ничего не даст. В любом случае его напарник останется на свободе и найдет способ связаться с американцами. Значит, мы обязаны вычислить этого человека. Одного из пятерых.

– Может быть, попробовать еще раз, – предложил генерал Минулин. – Мы сформируем пять групп и попытаемся все решить за один день. Одновременно. Снимем все наши сомнения раз и навсегда.

– Вы уже решили, – отмахнулся Осипов. У него были редкие седые волосы, зачесанные наверх, уставшие, внимательные глаза интеллектуала. Он поправил очки и покачал головой. – Извините меня, очевидно, в последнее время у меня сдают нервы. Можно, конечно, попытаться, но это не выход. У нас ничего не получится. К тому же один из бывших сотрудников Хеелиха живет в Израиле. Вы хотите и туда отправить свою группу? Испортить отношения с Израилем? Кроме того, нам не нужно пять групп. Достаточно четырех. Шилковский до сих пор живет в Москве. У него есть женщина.

– Что вы предлагаете? – разозлился Минулин. – Оставить все как есть? Сидеть и ждать, пока этот стукач полиции и его информатор выдадут американцам самую ценную сеть нашей разведки в Европе?

– Осталось пять человек, – ровным голосом напомнил Осипов. Он впервые в жизни сорвался, возражая Минулину, но теперь сумел совладать с собой и снова предстал как хладнокровный и выдержанный профессионал. – У меня другое предложение. Совершенно ясно, что американцы попытаются вычислить всех бывших сотрудников группы Хеелиха и установить за ними наблюдение. Рано или поздно, но это произойдет, если уже не произошло. В таком случае наш сотрудник или даже группа наших сотрудников, как только они появятся рядом с этим человеком, попадут под пристальное внимание и американской разведки и, конечно, немецкой, которые возьмут под контроль всех оставшихся в живых сотрудников группы Хеелиха. Из этого следует, что мы не можем и не должны посылать туда наших.

– В общем, сидеть и ждать, – снова вставил Минулин. Он был явно огорчен неудачей с Барлахом и хотел реабилитировать себя, уничтожив всех оставшихся в живых сотрудников группы.

– Нет, – ответил Осипов, – у меня другое предложение. Послать в Германию профессионального аналитика. Специалиста по подобным проблемам. Он должен выяснить, кто является напарником Барлаха, и вычислить этого агента. В случае успеха мы можем попытаться либо принять радикальное решение о его ликвидации, либо договориться.

– Пятидесяти миллионов долларов у нас нет в любом случае, – напомнил Светлицкий, – но ваша идея мне нравится. У вас есть такой аналитик? И учтите, что его почти наверняка вычислят американцы. А ведь ему еще придется лететь в Израиль.

– У меня есть такой человек, – впервые за время совещания чуть усмехнулся Осипов. – И мы можем абсолютно спокойно отправить его на встречу с любым агентом. Американцы знают о его статусе и не станут подозревать, что он подосланный нами профессиональный «ликвидатор».

– О ком вы говорите? – спросил Минулин.

– Дронго, – пояснил Осипов. – Я говорю о Дронго. Ведь он помог вашей службе разгромить известный вам Фонд в девяносто шестом. А вам, Владимир Николаевич, – обратился он к генералу Светлицкому, – оказал помощь в розыске небезызвестного вам «Мула» в девяносто седьмом. Я, кажется, ничего не перепутал.

– Дронго, – повторил Светлицкий, словно пробуя имя на вкус. – Интересная мысль. Американцы знают, что он бывший эксперт ООН по проблемам преступности. Это подходящая кандидатура, Георгий Самойлович. И неожиданная для американцев и немцев.

– Согласен, – кивнул Минулин.

– В таком случае не будем терять времени, – сказал хозяин кабинета. – Георгий Самойлович, вы лично возглавите операцию по розыску напарника Барлаха. Срок до девятого ноября, до двенадцати часов дня. Если до этого времени ваш Дронго не сумеет ничего обнаружить, мы вынуждены будем задействовать наши группы и в Германии, и в Израиле, и даже здесь, в России. Несмотря на возможное недовольство немцев, мы гарантированно уничтожим всех пятерых оставшихся в живых сотрудников группы Хеелиха. Генерал Минулин, вы готовите резервный вариант. И на этот раз – без ошибок. В случае провала первого варианта мы задействуем второй. В двенадцать часов дня девятого ноября ваши люди должны быть готовы нанести упреждающий удар. Израиль тоже находится не на Луне. Я думаю, у нас есть возможность добраться до нужного нам человека и в этой стране.

– Да, – твердо сказал Минулин, – мы это сделаем.

Москва.

30 октября 1999 года

Он вставал поздно. Это был его недостаток, известный всем «совам», для которых утреннее пробуждение перед выходом на работу всегда бывает маленькой пыткой. Много лет назад, когда после окончания юридического факультета он попал на закрытое военное предприятие, выяснилось, что необходимо являться на работу к восьми часам. Это означало, что вставать нужно в половине седьмого. Работа ему всегда нравилась, особенно работа с людьми, в коллективе, но столь ранний подъем изматывал. Хорошо еще, что ему приходилось ездить в длительные командировки, в которых он отсыпался.

Так продолжалось недолго. Потом он уехал за границу, и на этом его ранние пробуждения закончились. Но он до сих пор помнил начальника отдела кадров этого законспирированного «почтового ящика», который даже не разрешали упоминать в официальных изданиях. У каждого «почтового ящика» был свой войсковой номер.

Дронго просыпался не раньше одиннадцати. Это был своеобразный ритуал, ведь ночью он сидел порой у компьютера до четырех-пяти утра. Чтобы проводить свои знаменитые расследования, он должен был постоянно находиться в курсе всех мировых и местных новостей, читая огромное количество периодических изданий, которые можно было найти в Интернете. Он выписывал нужные ему имена, вводил в память своего компьютера новые данные и официальные биографии людей, которые его интересовали.

В этот день он проснулся в двенадцатом часу и прежде всего побрился и принял душ. После чего выпил традиционную чашку чая и уже собирался посмотреть свежие газеты, когда раздался телефонный звонок. Он поднял трубку.

– Доброе утро, – услышал он голос Владимира Владимировича. – Ты уже проснулся?

– Почти. Уже принял душ и позавтракал.

– Тогда все в порядке. С тобой хочет встретиться один твой знакомый. Не возражаешь, если через час за тобой придет машина?

– Я могу вызвать свою машину, – пробормотал Дронго. Для разъездов по Москве он взял автомобиль «Вольво» и водителя, который освобождал его от рутинных дел.

– Не нужно, – возразил Владимир Владимирович. – За тобой придет машина, и ты поедешь на встречу с этим человеком.

– Хороший человек? – спросил Дронго.

– Интересный. Он наш бывший коллега. Мой и Эдгара, – пояснил его собеседник. Дронго понял, что хотел сказать Владимир Владимирович. И старик, и его друг Эдгар Вейдеманис раньше работали в Первом главном управлении КГБ СССР, во внешней разведке.

– Ты же помнишь Георгия? – спросил Владимир Владимирович, словно речь шла о соседе по лестничной клетке. Конечно, он знал и помнил Георгия Самойловича Осипова, одного из руководителей Службы внешней разведки России.

– Что случилось? – спросил Дронго.

– Это он тебе сам расскажет. И оцени мое благородство. Он позвонил мне в девять часов утра, а я дождался двенадцати, чтобы позвонить тебе.

– Спасибо. Между прочим, сегодня суббота. Неужели это так срочно?

– А как ты думаешь?

– Я все понял. И не нужно ждать моей благодарности, я все равно переключаю телефон на автоответчик, когда ложусь спать.

– Поэтому я и не стал тебя беспокоить. До свидания.

Дронго положил трубку. Они были знакомы с Владимиром Владимировичем много лет. Старик был его своеобразным агентом, он находил ему людей, так нуждающихся в помощи аналитика. Кроме того, Владимир Владимирович имел обширный круг знакомств среди сотрудников спецслужб. Он был полковником КГБ и бывшим разведчиком, которому доверяли и в ФСБ, и в СВР. В случае необходимости сотрудники спецслужб выходили через него на самого Дронго.

Он еще успел позвонить Эдгару Вейдеманису, своему другу и напарнику, чтобы сообщить об отмене сегодняшней встречи.

– Жаль, – сказал Эдгар. – Опять важное дело?

– Кажется, да. По-моему, скоро я открою контору по приему частных клиентов.

– Давно пора, – пробормотал Вейдеманис. – И найди себе хорошего секретаря. Только учти, что ты холостой, а симпатичные девушки любят таких начальников.

– Поэтому я возьму секретарем мужчину, – пробормотал Дронго, попрощавшись.

Ровно через час он спустился вниз. В их доме была наружная охрана. Он вышел за ворота, кивнув охраннику, и пошел по улице. У соседнего дома стояла черная «волга». Дронго подошел ближе, открыл дверь, поздоровался. Водитель обернулся к нему и поздоровался. Очевидно, ему описали человека, который должен был сесть в машину. Впрочем, спутать Дронго с кем-

либо посторонним было трудно: он был высокого роста, широкоплечий, с большим выступающим вперед лбом.

– Вы от Георгия Самойловича? – уточнил Дронго.

– Да, – ответил водитель, – садитесь.

Дронго сел на заднее сидение, и автомобиль тронулся. Они поехали не в Ясенево, как ожидал Дронго, а за город, в сторону Жуковки. Уже выезжая на трассу, они услышали звонок мобильного аппарата. Водитель сказал несколько слов и протянул аппарат Дронго.

– Это вас, – предупредил он.

– Добрый день, – Дронго услышал голос генерала Осипова.

– Здравствуйте, Георгий Самойлович.

– Я знаю, что вам сообщили о нашей встрече. Просто хотел вас предупредить, что встреча состоится на моей даче. Так будет лучше. Надеюсь, вы не возражаете?

– Нет, – ответил Дронго, – я не собираюсь выпрыгивать из машины.

– Спасибо. – Осипов явно был не склонен реагировать на шутку и отключился. Через двадцать минут они были около дачи генерала СВР. Машина прошла через ворота и подъехала к двухэтажному кирпичному дому. На пороге уже стоял Георгий Самойлович, одетый в джинсы и легкую светлую куртку. Небо было затянуто тучами, и в любой момент мог пойти дождь. Водитель собрался открыть дверцу, но Дронго вышел из салона и пожал руку Осипову.

– Давайте немного погуляем, – неожиданно предложил Георгий Самойлович.

– Идемте, – согласился Дронго, поднимая воротник плаща. Он купил его в знаменитом «Харродсе» за тысячу долларов. На подкладке можно было увидеть марку магазина. Плащ был водостойким, со специальным покрытием. Однако Дронго часто замечал, что плащ, отталкивая воду, непостижимым образом собирал дорожную пыль. Одежда была его слабостью. Он полагал, что мужчина обязан быть элегантным при любых обстоятельствах.

– У нас проблемы, – сказал Георгий Самойлович, когда они отошли от дома.

– Догадался, – буркнул Дронго. – Кажется, пойдет дождь.

– Может быть, – кивнул Осипов. – Мы хотели бы воспользоваться вашим опытом, Дронго. Ситуация абсолютно уникальная, у нас такого никогда не было.

– Я вас слушаю.

– Сначала, как обычно, подпишете документы. Вы предупреждены об ответственности за нарушение секретности, за разглашение государственной тайны, даете подписку и тому подобное...

– А потом?

– Потом вы узнаете, что нам нужны ваши способности аналитика, – пояснил Осипов.

– Что случилось?

– Вы любите детективы? – ответил вопросом на вопрос Георгий Самойлович.

– Не очень. Мне их вполне хватает в жизни. Классические старые детективы я читал, а современные не люблю. Кроме того, большинство из них специализируется на описании подонков и насильников, а мне такая литература неинтересна. Вы же наверняка знаете, что я больше всего люблю американских фантастов послевоенного поколения.

– Тогда вам придется полюбить современные детективы, – мрачно заметил Осипов. – У нас сложилась парадоксальная ситуация. Есть несколько подозреваемых, один из которых собирается передать информацию американцам. Мы хотим, чтобы вы в максимально короткий срок вычислили этого человека. Вот, собственно, и вся проблема.

– Так, – сказал Дронго, останавливаясь. – Значит, у вас такая проблема. Давайте вместе поразмышляем. Я попытаюсь понять все, о чем вы мне не сказали. Эти люди находятся в России?

– Только один. Трое в Германии. Еще один в Израиле.

– Пять человек, – пробормотал Дронго. – Пять человек, – повторил он. – Судя по количеству агентов в Германии, это бывшие восточные немцы?

– Да. – Осипову было интересно следить за рассуждениями Дронго. Он внимательно слушал его вопросы. Чтобы задать точный вопрос, нужно знать как минимум половину ответа на него.

– Вы сказали «максимально короткий срок». Значит, у вас совсем нет времени. Иначе вы попытались бы установить наблюдение за каждым из этих пятерых и выявить предателя. Сколько у меня времени?

– Девять дней. Хотя нет. Уже восемь. Если не считать сегодняшнего. Все должно закончиться до девятого ноября.

– И последний вопрос, – сказал Дронго, – последний на этом, предварительном, этапе, до того как я подпишу ваши документы. Пять бывших агентов, один из которых хочет сдать информацию американцам. И вы не пытаетесь их вычислить, не пытаетесь определить, кто из них предполагаемый информатор, не пытаетесь ничего сделать. Сразу решили найти меня. При этом зная известный снобизм разведчиков. К тому же имея в запасе только девять дней. И вы хотите, чтобы я в это поверил?

Осипов молчал.

– Неужели вы не пытались определить, кто из них информатор? Неужели ничего не предприняли? И сразу решили вызвать меня? Или вы уже пытались что-то сделать и не смогли? Почему вы просто не уберете всех пятерых? Только не говорите мне о демократизации государства. Я в такие игры не играю. Что вам мешает? Почему вы обратились ко мне? Ведь логичнее убрать всех пятерых или похитить этих людей, чтобы добраться до истины.

– Вы знаете, о чем я думал до нашего разговора? Всю ночь думал? Правильно ли мы сделали, что обратились к вам? А теперь думаю, что правильно. У нас проблемы, Дронго. Мы, конечно, пытались их решить собственными силами. Но нам нужен эксперт, независимый от нашей организации, который сумеет выявить возможный источник угрозы. Если мы вернемся в дом, я смогу объяснить более конкретно. Согласны?

– Ну раз я уж сюда приехал, – пробормотал Дронго, поворачивая в дом.

– Ваш гонорар мы обговорим заранее, – сказал Осипов.

– Это самое важное, что меня волнует, – отмахнулся Дронго. – Идемте быстрее. Дождь пошел.

Берлин.

30 октября 1999 года

Воронин приехал на встречу в мрачном настроении. Он понимал, что у немцев есть все основания для недовольства. Два покушения подряд, это больше чем случайность. Однако он получил твердую установку из Москвы отрицать любые факты, связанные с покушением на жизнь Барлаха или Нигбура.

На этот раз они встретились с Херманом почти в самом центре, недалеко от бывшего отеля «Штадт Берлин», когда-то служившего образцом архитектуры бывшего Восточного Берлина. Вытянутое на сто двадцать четыре метра, это здание более органично смотрелось бы в центре Манхэттена, чем в центре Берлина, где были отреставрированы здания, составляющие историческую ценность столицы. Чем-то этот отель напоминал гостиницу «Интурист» на Тверской: он смотрелся так же нелепо рядом с исторически-монументальными зданиями, окружавшими отель. Обычно по субботам в центре города было меньше людей, чем в будние дни. Хотя среди недели немцы предпочитали праздному времяпровождению конкретные дела.

– Вы просили о встрече, – сказал Херман после приветствия.

– Да, – кивнул Воронин, – мы проверили вашу информацию, герр Херман.

– И как обычно будете все отрицать? – несколько насмешливо спросил Херман. Он провел несколько лет в Бельгии и научился быть более раскованным, чем его коллеги. Сказывался галльский дух Южной Бельгии.

– Будем, – кивнул Воронин, стараясь не замечать сарказма. – Однако мое руководство решило проверить изложенные вами факты.

– Долго будете проверять?

– Несколько дней. Мы абсолютно точно знаем, что наши сотрудники не имеют отношения ни к взрыву в Нойенхагене, ни к автокатастрофе в Гамбурге. Мы, конечно, проверим изложенные вами претензии, но на этот раз вы ошиблись. Наша служба не имеет никакого отношения к этим инцидентам.

– Вы понимаете, что мы проведем собственное расследование. И если выяснится, что вы причастны к смерти Нигбура, мы сделаем официальное заявление.

– Конечно. Не в наших интересах портить отношения с Германией. Я надеюсь, в это вы можете поверить.

– Не знаю, – ответил Херман. – Мы будем проверять все известные нам факты. К счастью, Барлах остался жив, и нам будет легче установить, кто и почему решил таким образом избавиться от бывшего осведомителя «Штази».

– Это ваше право, – равнодушно ответил Воронин.

– До свидания. – Они не подали друг другу руки. Очевидно, Херман рассчитывал на более серьезное понимание своих проблем. Возвращаясь в посольство, Воронин подумал, что за ним могут следить. Поэтому он шел неторопливо, заглядывая по пути в магазины, стараясь ничем не выдать своего волнения. И лишь вернувшись в посольство, он составил рапорт, в котором указывал на возможные осложнения в случае любых проявлений активности советской резидентуры СВР в Германии.

Он даже не мог предположить, что его рапорт будет передан высшему руководству, и в Москве будут решать, как именно отреагировать на столь жесткое заявление немцев. Воронин не мог даже предположить, что большая игра, в которую он оказался вовлечен, уже началась.

Москва.

30 октября 1999 года.

Они сидели в кабинете Осипова на втором этаже. За окнами лил дождь. Дронго расположился на диване и внимательно слушал хозяина дачи.

– В живых на сегодня остались пять человек, – продолжал свой рассказ Георгий Самойлович. – Оливер Бутцман – в Израиле, Альберт Шилковский – в России, Карстен Гайслер, Бруно Менарт и Габриэлла Вайсфлог – в Германии. Только пять человек, один из которых предполагаемый информатор Барлаха, через которого он и собирается передать документы американцам.

– Может, Барлах блефует? – уточнил Дронго. – Может, просто хочет взять деньги с американцев? Он ведь бывший осведомитель «Штази», бывший сотрудник полиции, как вы говорили. Вряд ли опытный агент ему доверится.

– И тем не менее, Барлах сообщил такие сведения, о которых не должен был знать никто. Никто, кроме членов группы полковника Хеелиха. Именно поэтому американцы ему поверили.

– Вы не можете сказать о чем идет речь?

– Конечно, не могу. Но если в общих чертах, то – об агентуре, оставленной в объединенной Германии. О самых ценных агентах, о существовании которых ни американцы, ни немцы не должны ничего знать.

– Понятно. Барлах представил убедительные доказательства?

– Да. И через наши источники мы вышли на него. Стало ясно, что он представляет угрозу для нашей сети в Германии. Было принято решение устранить эту опасность. Однако в последний момент что-то не сработало, и Барлах остался жив, хотя и попал в больницу.

– И тогда вы решили вычислить его источник?

Осипов сидел в кресле напротив. Он мрачно кивнул.

– Наши аналитики проверили все связи Барлаха. Выяснилось, что он был связан с одним из сотрудников группы Хеелиха – Фредериком Нигбуром. Наши специалисты сделали вывод, что именно Нигбур решил таким образом передать через Барлаха имеющиеся у него документы.

– Почему не сам Нигбур? Почему он доверился другому человеку?

– Это очень опасно. По-существу, немец, который выдает подобные секреты американцам, совершает государственное преступление. Ведь после объединения Германии агенты Восточного блока не должны работать на чужую страну. Мы полагали, что Нигбур каким-то образом получил доступ к закрытой информации. Кроме того, очевидно, сработали стереотипы. Во-первых, связь Нигбура с Барлахом, во-вторых, поведение самого Нигбура. На судебных процессах против бывших сотрудников разведки он несколько раз выступал на стороне обвинения. Если хотите, мы сознательно остановили свой выбор на Нигбуре. И как источнике повышенной опасности и как предателе, от которого давно пора было избавиться.

– Вы его убрали?

– А вы как думаете? Или вы полагаете, что мы могли остаться безучастными к возможной попытке провалить всю нашу европейскую сеть?

– Я думал, от этих методов давно отказались.

– Не нужно, – поморщился Осипов. – Вы все прекрасно понимаете. У разведки всегда свои интересы, у каждой страны – свои. Я не должен вам этого объяснять, ведь вы специалист с многолетним стажем. Кстати, почему вы не хотите работать у нас?

– Не хочу, – упрямо сказал Дронго. – Что было после того, как вы ошиблись?

– Ничего хорошего, – ответил Осипов. – Американцы сумели договориться с Барлахом, который уже был в больнице, что он передаст документы десятого ноября. Они положили его в свой военный госпиталь и уже перевели деньги на счета, но они пока заблокированы.

– Подождите, – довольно невежливо перебил своего собеседника Дронго. – Каким образом неизвестный связался с Барлахом? Откуда вы знаете про десятое ноября?

– У нас свои источники, – уклонился от ответа Осипов. – Думаю, вы понимаете, что мы не можем ошибаться в таком вопросе. Если они перевели деньги, значит, уверены, что документы у них будут. И Барлах уверен, что получит эти документы. Тогда выходит, что с Нигбуром мы ошиблись. И теперь нужно срочно выяснить, кто информатор Барлаха. Мы не можем ошибиться во второй раз. К тому же немецкие представители уже встретились с сотрудниками нашего посольства и официально предостерегли нас от дальнейших активных действий. Они могут негативно сказаться на... наших отношениях.

– Вот почему вы вспомнили обо мне, – понял Дронго. – Теперь понятно, почему вам понадобился бывший эксперт ООН. Американцы и немцы прекрасно знают, что я не соглашусь на роль «ликвидатора». Это другая профессия, она «несколько отличается» от того, чем я до сих пор занимался.

– И поэтому тоже, – согласился Осипов.

– Пять человек, – подвел итог Дронго. – Мне понадобится досье на каждого.

– Безусловно.

– Кто еще входил в состав этой группы кроме Нигбура?

– Всего их было восемь. Полковник Хеелих и Освальд Вайс. Он умер шесть лет назад.

– Действительно умер? Может быть, он решил начать новую жизнь?

– Мы проверили. Первый инфаркт случился у него в девяностом. Потом второй – в девяносто третьем.

– Неужели такого инвалида взяли в специальную группу?

– Он не был инвалидом до объединения Германии, – мрачно заметил Осипов. – Вы забыли, какая тогда была обстановка? Люди стрелялись, умирали от инфарктов, сходили с ума. Кроме того, на Вайсе сказала и судьба его старшего брата. Тот застрелился в девяностом. Он работал одним из руководителей пограничной службы ГДР. Тогда на них вешали всех собак.

– Ясно. Вы твердо уверены, что Вайс умер?

– Абсолютно. Его похоронили в Лейпциге. На похоронах были сотрудники полиции, его бывшие друзья, супруга и дети. Они бы не могли устроить подобную инсценировку.

– А где сам Хеелих?

– Это как раз самая запутанная история в нашем расследовании. Полковник Хеелих был убит в ноябре восемьдесят девятого. Он вместе со своими сотрудниками готовил реорганизацию всех документов. Вместе с ним был тяжело ранен его заместитель – Альберт Шилковский. Тогда нам удалось его спасти буквально чудом. Он получил ранение в позвоночник. Полная неподвижность несколько лет, интенсивное лечение, четыре операции. Только несколько лет назад он сделал попытку подняться. Потом снова лечился. Сейчас он уже передвигается, но вынужден пользоваться палкой.

– Понятно. Как это случилось?

– Тогда было беспокойное время. На них напали в дороге. До сих пор не установлено, кто именно. Возможно, это было подразделение, специализирующееся на изъятии секретных документов бывших спецслужб. Возможно, действовали китайцы, которые были очень активны в тот период. Возможно – американцы. Или западные немцы. Кто угодно. Может быть, это была даже другая группа восточных немцев. Или наша военная разведка, которая узнала, что готовится операция по ликвидации документов, и решила нанести упреждающий удар. Мы ничего не смогли узнать. Группа Хеелиха проводила работу по нашему заданию. И нашим сотрудникам, прибывшим на место, достался только сожженный микроавтобус, убитый Хеелих и тяжело раненый Шилковский, который, придя в себя, не смог сказать ничего определенного. Вот и вся его история.

– Невеселая, – сказал Дронго. – Это тот самый агент, который находится в России. Кажется, вы назвали именно его.

– Да, – кивнул Осипов, – он сейчас в Москве.

– С ним можно поговорить?

– Конечно. В идеале было бы лучше, если бы вы поговорили с каждым из них. Нам важно выяснить, кто мог выйти на Барлаха и у кого сейчас находятся копии документов.

– Я не совсем понимаю. Группа Хеелиха готовила документы к уничтожению. Если на них напали, когда они были в пути, то все документы должны были похитить нападавшие.

– Нет. Дело в том, что на них напали, когда они возвращались после встречи с нашим представителем. У них с собой документов уже не было. Но нападавшие не могли этого знать. Отсюда мы и сделали вывод, что это Нигбур. Только он не знал, что документы уже были сданы нашему представителю. Он и Вайс остались в здании «Штази», пока остальные перевозили документы. Мы изменили наш план в самом конце на случай, если среди сотрудников Хеелиха окажется предатель. И он действительно был среди них. Но документы они уже передали. Это точно.

– Тогда мне непонятно, почему вы подозреваете одного из этих людей?

– Документы, которые они перевозили, были сверх секретными. О них практически никто из посторонних знать не мог. Вы ведь понимаете, что в разведке ни при каких обстоятельствах нельзя составлять списки самых ценных агентов. Любой, кто зайкнется о подобном списке, будет объявлен либо сумасшедшим, либо предателем. Ни в одной разведке мира такого

не допустят. Ни в одной, если только заранее не известно, что через несколько дней и ваша разведка, и ваша страна просто исчезнут. Только в этом уникальном случае могут быть заготовлены подобные списки, чтобы уничтожить подлинники всех документов и не дать возможности противной стороне узнать настоящие имена агентов.

– Я, кажется, начинаю разбираться в ситуации, – пробормотал Дронго. – Вы, очевидно, считаете, что у меня может получиться то, что не получилось у ваших аналитиков. Вам не кажется, что вы несколько переоцениваете мои возможности?

– В таком случае вы ничего не найдете, – раздраженно сказал Осипов, – и мы будем считать, что вам не удалось вычислить этого человека. Я думаю, вы понимаете, что параллельно с вами будут работать и наши эксперты.

– Не сомневаюсь, – кивнул Дронго, – но, зная некоторые методы спецслужб, я никогда не поверю, что это единственный вариант разрешения ситуации. В случае, если информатора вычислить не удастся, вы, очевидно, рискнете пойти на нарушение ваших договоренностей с немцами. Верно?

Георгий Самойлович поднялся с кресла, подошел к столу, налил в стакан минеральной воды и залпом выпил. Потом сухо осведомился:

– Что вам еще нужно для выполнения вашей задачи?

– Спасибо, – поднялся Дронго. – Кажется, я получил ответ на предыдущий вопрос. Когда я могу ознакомиться с досье? Надеюсь, они теперь не секретные?

– Конечно, нет. Немедленно. Мой водитель отвезет вас. Я попрошу показать вам все материалы, которые имеют отношение к этому делу. Все документы восьмидесятых и относятся к спецслужбе страны, которой уже десять лет не существует. Можете ознакомиться с ними.

– Завтра утром я хотел бы встретиться с Шилковским. Хотя завтра воскресенье, но мне нужно срочно с ним переговорить. Это возможно?

– Безусловно. Мы с ним много раз беседовали, и вы сможете прочитать протоколы допросов, если захотите. Еще что-нибудь?

– На понедельник мне нужен билет в Тель-Авив.

– Разумеется. Что-нибудь еще?

– Последний вопрос. Зачем вы меня позвали? Вы верите в успех или таким образом хотели использовать последний шанс, перед тем как принять решение о ликвидации всех оставшихся в живых агентов группы Хеелиха?

– Вы же прекрасно знаете, что я не отвечу на этот вопрос. Что бы вы хотели услышать? Какой ответ?

– Ничего, – ответил Дронго. – Вы уже ответили на все мои вопросы.

Часть первая

Прошлое.

Восточный Берлин.

8 ноября 1989 года

Он с трудом продвигался по городу. В центре толпились люди – в ГДР уже вторую неделю шли митинги протеста. Несколько дней назад на Александр-плац вышло почти полмиллиона человек. Многие из них несли портреты Горбачева и лозунги на русском языке. Он хорошо понимал русский язык и видел повсюду эти ненавистные ему слова – «гласность» и «перестройка». Он резко нажал на тормоз, нервно просигналил. Трое подвыпивших молодых людей чуть не попали под его машину. У него была советская «волга», и люди обходили машину стороной, весело улыбаясь.

Поставив автомобиль, он огляделся. Здесь было тихо, спокойно. Он успел заметить, как зашевелилась занавеска в окне дома напротив. Квартира, где они должны были встретиться, находилась под плотным контролем советского КГБ, который чувствовал себя особенно вольготно на территории Восточной Германии. Он знал об этом. Усмехнулся, затем набрал известный ему код и вошел в подъезд. Автоматически включился свет. Он знал, что сейчас за ним следят камеры, уже зафиксировавшие его появление. Он поднялся по лестнице на второй этаж, позвонил. Подумал, интересно, будут ли следить за ним и на этом этаже. Ему было чуть больше сорока лет. Коротко постриженный, с резкими, будто вырубленными, чертами лица, внимательными серыми глазами. Он терпеливо ждал, когда ему наконец откроют.

Дверь мягко отворилась. Неизвестный мужчина, внимательно взглянув на него, постоял и пропустил в квартиру. Он поздоровался по-немецки, а гость ответил по-русски. В просторной квартире была оборудована одна из конспиративных квартир советской внешней разведки, которых было так много в Восточном Берлине. В одной из комнат за столом сидел человек невысокого роста лет пятидесяти. У него была характерная запоминающаяся внешность: большой лысый череп, выпуклый лоб, тонкие губы, немного раскосые глаза. Перед ним на столе лежала папка. Увидев вошедшего, он поднялся и поздоровался, не протянув руки. Затем сел первым, жестом пригласив сесть.

– Вы полковник Рудольф Хеелих? – спросил он.

– Да, – кивнул полковник.

– Вы меня знаете?

– Знаю. Мы встречались в Москве три года назад, генерал.

– Верно. Вы помните, зачем вы тогда приезжали в Москву?

– Конечно, помню, генерал.

– Я хочу еще раз напомнить некоторые факты. Если я буду неточен, можете меня поправить. Тридцатого мая восемьдесят шестого года ваш бывший непосредственный руководитель генерал Маркус Вольф подал в отставку. По приказу министра национальной безопасности Мильке была сформирована специальная группа офицеров из сотрудников двадцать второго отдела для проверки агентурной сети, известной Вольфу. В течение нескольких месяцев руководителем группы «Р» был полковник Хеелих. Я ничего не спутал?

– Ничего, – угрюмо ответил Хеелих. – Зачем вы меня пригласили, генерал? Маркус Вольф уже три года не работает в нашей внешней разведке.

– Вы работаете в двадцать втором отделе уже восемь лет. А до этого работали в девятом отделе.

– Вы можете объяснить, что происходит?

– Не торопитесь, Хеелих. Я прилетел в Берлин только для того, чтобы встретиться с вами. С вашим руководством я уже согласовал нашу встречу. Ни один человек в Германии не знает истинных причин моего приезда. Мы хотим снова использовать вашу группу, Хеелих.

– Опять кого-то проверять? – недоверчиво спросил Хеелих. – Вы разве не видите, что творится? Вчера подало в отставку наше правительство.

– Именно поэтому я и приехал. Сегодня в отставку ушло Политбюро СЕПГ. Кстати, насчет Маркуса Вольфа. Четыре дня назад он выступал на митинге. Сначала его встретили аплодисментами, а когда он признался, что был генералом госбезопасности, его освистали и не дали закончить выступление.

– Да, он был на митинге, – нахмурился Хеелих. – Это его выбор. Какая-то часть немцев все еще верит в вашу страну, верят вашему Горбачеву. Если так будет продолжаться, уже через несколько дней люди прорвутся сквозь берлинскую Стену и мы не сможем их остановить даже с помощью ваших танков.

– наших танков не будет, – вдруг сказал генерал.

– Что? – не понял Хеелих.

– Советское командование передало приказ Западной группе войск в Германии. При любом варианте развития событий наши войска не станут вмешиваться во внутренние дела Германии. Это установка нашего политического руководства.

– Значит, вы нас бросили? – ошеломленно спросил полковник. – Вы нас предали? Этого не может быть.

– Я прилетел сюда не для того, чтобы обсуждать с вами моральные аспекты нашего решения, Хеелих. В вашем ведомстве работали тысячи, десятки тысяч людей. Мы обязаны спасти хотя бы часть из них. Вы правильно заметили по поводу Стены. Вы видите, что творится в Берлине? Только я думаю, что у нас нет в запасе нескольких дней. Мы должны немедленно начать эвакуацию личных дел и документации.

– Вернер Гроссман знает об этом? – спросил Хеелих.

Генерал несколько секунд молчал. Очевидно, он обдумывал наиболее подходящий ответ.

– Мы не хотели бы подставлять никого из сотрудников вашей разведки, – осторожно объяснил он. – Мы не знаем, в каком направлении будет развиваться ситуация внутри Германии и германо-германские отношения.

– Нашу группу не пустят в архивы, даже если об этом попросит Эгон Кренц, – возразил Хеелих. – Нужно личное указание Гроссмана. Или министра национальной безопасности.

– Это не проблема. Вы знаете Эриха Дамме?

– Конечно. Мы знакомы много лет.

– В таком случае все гораздо проще. Он отвечает за безопасность архивов. Я думаю, имея приказ, вы сумеете его убедить. А затем нужно срочно эвакуировать наиболее ценные документы.

– Я вас понимаю, – угрюмо кивнул Хеелих.

– Нет, не понимаете. Часть документов мы вывезем в Советский Союз, а самые ценные досье должны быть уничтожены. Вы меня слышите полковник? Уничтожены. Никто не должен знать о наиболее ценных агентах восточногерманской разведки. Сотрудники нашего четвертого отдела несколько дней работали с руководством «Штази». Мы составили список из двенадцати человек. Даже я не знаю, кто они. Ваша задача – найти эти досье и уничтожить. Никаких имен. Эти люди должны исчезнуть из всех списков. Остальные документы – примерно на триста человек, вы передадите нашим представителям.

– Я знаю Анатолия Новикова, берлинского резидента, вашего представителя...

– Забудьте про него. Документы передайте моему личному представителю. Это очень важно, Хеелих.

Полковник колебался. Затем решительно сказал.

– Мне нужно разрешение моего руководства.

– Вот документы, подписанные министром безопасности, – устало произнес генерал, протягивая своему собеседнику папку, которая лежала на столе. – Документы завизированы Гроссманом. Вам даны чрезвычайные полномочия для спасения архива внешней разведки, полковник Хеелих.

Полковник встал. Теперь он не колебался. Получив приказ, он обязан его выполнить. Кроме того, он хорошо понимал мотивы, изложенные русским генералом. Агентов нужно спасать и прикрывать. Документацию следует уничтожить. Он видел, что творится в Берлине. Знал обстановку в Восточной Германии. После отставки Хонеккера все пошло совсем не так, как предполагалось. И Эгон Кренц наверняка не справится с этим обвалом, происшедшим в стране. Полковник Хеелих был профессионалом. А это означало, что он умел просчитывать варианты. И должен был хотя бы немного уметь предвидеть развитие событий. В конце концов любую разведку можно восстановить, если спасти наиболее ценных агентов.

– Хорошо, – сказал Хеелих, – я соберу свою группу немедленно.

Москва.

31 октября 1999 года

Весь вчерашний день Дронго читал документы. Старые архивные документы десяти-, пятнадцати-, двадцатилетней давности, о разведке уже не существующей страны, которую уважали и с которой считались даже в КГБ, настолько зримыми и убедительными были успехи восточногерманских профессионалов.

Привыкший полагаться на свою память, он запоминал сотни фактов, деталей, имен, кличек, которые могли пригодиться ему для последующей работы. Самым важным было ознакомиться с досье каждого из подозреваемых. Здесь были собраны материалы по каждому из пятерых сотрудников группы «Р». Прежде всего Дронго познакомился с личными делами уже погибших сотрудников. Полковник Рудольф Хеелих, очевидно, был цельной личностью. Несколько наград, работа в девятом отделе. Это, кажется, внешняя контрразведка, вспомнил Дронго. Потом Хеелиха перевели в другой отдел, и он занимался нелегалами. Именно ему было поручено возглавить группу, которая должна была уничтожить документы и выделить главных агентов для их последующей консервации.

В деле Нигбура привлекали его связи с бывшими осведомителями «Штази». Раньше он работал с ними, и в числе его внештатных осведомителей был Дитрих Барлах. Затем Нигбур попал в группу Хеелиха. Дронго обратил внимание, что Нигбур попал в группу «Р» последним.

Из личного досье Освальда Вайса известно, что он учился в бывшем Советском Союзе. Очевидно, проходил стажировку в Москве: иногда разведчиков стран Восточного блока направляли в Советский Союз для обмена опытом. С одной стороны, это была прекрасная возможность поучиться у советских коллег. А с другой – позволяла советским спецслужбам более пристально наблюдать за работой «дружеских» спецслужб, направляя их деятельность в нужное русло. После событий шестьдесят восьмого года в Чехословакии, когда система местной госбезопасности дала сбой, в Москве уже не всегда доверяли своим «друзьям».

Дронго закончил в третьем часу ночи. Сотрудник, отвечавший за материалы, буквально валился с ног от усталости. В отличие от Дронго, он приезжал на работу к девяти и не был «совой». Дронго вернулся домой в четвертом часу утра, назначив встречу с Шилковским на воскресенье. Он решил встать пораньше, и назначил время беседы на час дня, решив для себя, что до этого еще успеет ознакомиться с личным досье Шилковского.

Дронго приехал на встречу с некоторым опозданием. Ему отвели комнату, в которой он должен был беседовать с Шилковским. Дронго оглядел голые стены и усмехнулся. Он не

сомневался, что все его беседы в этой и в других комнатах будут фиксировать на пленку и сотрудники внешней контрразведки СВР получили указание на его плотную опеку.

Шилковский вошел, опираясь на палку, чуть прихрамывая. У него были красивые седые волосы, породистое, чуть вытянутое лицо. Шилковский был похож скорее на поляка, чем на немца – очевидно, сказывались далекие предки, когда-то переехавшие из Бреслау, переименованного позднее во Вроцлав. Шилковский был немного старше Дронго. Ему шел сорок пятый год. Войдя в комнату, он внимательно посмотрел на Дронго. В его глазах была некоторая растерянность, которую Дронго уловил сразу. Такие глаза бывают у сильных людей, оказавшихся по разным причинам жертвами судьбы. Шилковский был сильным человеком, он перенес столько операций и многолетнюю неподвижность. С другой стороны, эти ранения сказались на его характере, сделав его мрачным, нелюдимым.

– Здравствуйте, – сказал Дронго по-русски, когда Шилковский вошел. Из его досье Дронго знал, что Шилковский хорошо говорит по-русски.

– Добрый день. – Шилковский проковылял к стулу и уселся на него. Ногю он чуть выставил вперед. Палку поставил рядом с собой. Очевидно, он уже привык к допросам в этой комнате. И привык к разговорам о его прежней службе.

– Я аналитик, – представился Дронго, – обычно меня называют Дронго. Вы можете называть меня так. У меня к вам несколько вопросов.

– Я уже догадался, – усмехнулся Шилковский, – меня обычно приглашают сюда, чтобы задать несколько вопросов. Последние несколько лет я был здесь раз пять. И последний раз – несколько дней назад.

– Я знаю, – кивнул Дронго. – Вас спрашивали о Нигбуре. Я читал протокол вашей беседы.

Шилковский усмехнулся второй раз. Он оценил тактичность Дронго, назвавшего допрос беседой.

– Я хотел узнать подробности той ночи, когда вас тяжело ранили, – пояснил Дронго. – Как могло случиться, что вы оторвались от основной группы и оказались вдвоем. Ведь вы выехали все вместе?

– Это есть в документах, – устало сказал Шилковский, – всегда одно и то же. Всех интересует этот вопрос, словно мы специально оторвались, чтобы подставить себя под пули нападавших.

– Кто это мог быть?

– Не знаю, – ответил Шилковский. – Раньше я полагал, что вы знаете, кто это мог быть. Мне казалось естественным, что нас могли убрать после того, как мы сдали документы. Но когда меня стали лечить и каждый раз спрашивать о нападавших, я задумался. Теперь я не знаю ответа на этот вопрос.

– Мне важно услышать вашу версию событий. Вы можете вспомнить, как это было?

– В ту ночь мы выехали с документами на встречу с вашими представителями. На месте остались Нигбур и Вайс. В первой машине были полковник Хеелих и Бутцман, в микроавтобусе, где находилась большая часть документов – мы с Менартом, а в третьей, замыкающей, – Габриэлла Вайсфлог и Гайслер. Она была за рулем, а Гайслер следил за дорогой. Он был у нас настоящим мастером своего дела. Я до сих пор удивляюсь, как он рискнул остаться в Германии после объединения. Если хотя бы одна страничка его досье попадет к нынешним властям... Он всегда был отчаянно смелым человеком. Про встречу вы наверняка знаете. Мы вывезли самые важные документы за город и сдали вашим представителям.

На обратном пути микроавтобус почему-то задержался на переезде. У них спустилось колесо. Мы оставили вторую машину рядом с ними и поехали обратно. Хеелих хотел успеть вернуться и забрать из здания наших офицеров – Нигбура и Вайса. Он опасался за них. Мы оставили их в Эркнере, у станции, а сами направились в центр. Мы проехали озеро Гроссер-Мюгельзе, и в лесопарковой зоне нас обстреляли. Они словно ждали именно нас. Все про-

изошло мгновенно, я даже не успел никого заметить. Стреляли, очевидно, прямо в машину. Хеелих сидел за рулем, и пули попали ему в голову. Он умер сразу, не мучаясь. Меня ранили в плечо – я в этот момент пригнулся. Машина перевернулась и загорелась. Когда я попытался выбраться, в меня выстрелили еще раз. Попали в позвоночник. После этого я потерял сознание. Вот и весь рассказ.

– Полковника Хеелиха расстреляли из автомата. А вас добивали из пистолета. Два выстрела в спину. Вы пытались бежать?

– А как вы думаете? Их было несколько человек. В меня стреляли из автомата и пистолета.

– Но зачем они начали в вас стрелять? Ведь если ждали именно вас, то нападавшие должны были знать, что у вас нет документов.

– Да, – кивнул Шилковский. – Я сам не могу понять, зачем нужно было нас убивать. Возможно, нас с кем-то спутали. Но тогда почему они стали стрелять, даже не проверив, в кого именно стреляют? И откуда они могли узнать наш маршрут?

– И вы не пытались найти ответ на эти вопросы?

– Каким образом? – спросил Шилковский. – Сидя в Москве? Что я мог сделать? Хорошо еще, что меня успели вывезти из Германии. И не забывайте, что несколько лет я провел в больнице. И только потом мог вспомнить все, что со мной случилось.

– Вы даже не можете предположить, кому нужна была ваша смерть?

– Не знаю. Я много об этом думал. За столько лет это должно было проясниться. Но я не знаю. После того как ГДР исчезла с политической карты мира, эта история была уже никому не интересна. Хотя меня несколько раз допрашивали ваши сотрудники.

– Я забыл вас предупредить, – хмуро сказал Дронго, – я не штатный сотрудник этого ведомства. Я всего лишь эксперт-аналитик, который должен попытаться восстановить события десятилетней давности.

– И вас пустили сюда? – не поверил Шилковский.

– Пустили, – кивнул Дронго. – Дело в том, что я собираюсь побеседовать с каждым из оставшихся в живых сотрудников группы, чтобы понять вашу трагическую историю. А в этом ведомстве, очевидно, подозревают, что за всеми вашими бывшими коллегами либо немцы, либо американцы уже давно установили плотное наблюдение. Тогда получается, что там нельзя появляться штатным сотрудникам внешней разведки, а бывший эксперт ООН не вызовет особых вопросов. Американцы меня знают.

– Понятно, – пробормотал Шилковский. – Интересно было бы присоединиться к вам.

– Вы бывали за границей, после того как приехали в Москву?

– Нет. Нигде не бывал. Никто даже не догадывается, что я жив.

– Может, вы случайно встречались с кем-нибудь из своих товарищей после того, как к вам вернулось сознание? Или хотя бы разговаривали с кем-нибудь из них по телефону?

– Нет, конечно. Мне посоветовали не вспоминать прошлое. Для всех своих бывших друзей я умер. Прошло уже десять лет...

Он молчал, словно обдумывая варианты ответа. Дронго терпеливо ждал.

– Я научился работать на компьютере. Десять лет назад такого еще не было. Теперь я живу в Москве, у меня есть женщина, которую я считаю своей женой. Будет лучше, если обо мне никто не вспомнит в Германии. Кроме того, я работал раньше в девятом отделе. Вы ведь должны знать, чем занимался девятый отдел в разведке. Мы выполняли самые деликатные поручения Министерства национальной безопасности за рубежом, в основном в Западной Германии.

– Внешняя контрразведка, – вспомнил Дронго. – Я читал о вашей работе.

– Там написано не все. Боюсь, что мне никогда не вернуться в Германию. Иначе я получу там такой тюремный срок, что выйду на свободу не в третьем, а в четвертом тысячелетии, если, конечно, доживу до того времени.

– Вы хорошо знали сотрудников своей группы?

– Конечно. Мы вместе работали. У нас были очень хорошие ребята. – Когда Шилковский волновался, чувствовался его немецкий акцент.

– Кто из них мог вас подставить? – спросил Дронго. – Кого вы лично стали бы подозревать?

– Никого, – ответил Шилковский. – Меня много раз об этом спрашивали. Конечно, никого.

– А почему спустилось колесо? Вы не проверили машину перед выездом?

– Это был обычный РАФ, – ответил Шилковский, – кажется, так тогда называли ваши микроавтобусы. Мы грузили в него ящиками все, что можно было спасти. И в наши машины тоже. Поэтому не удивительно, что у него спустилось колесо. Но мы заметили это только на обратном пути.

– Кто был за рулем микроавтобуса?

– Менарт. Он вообще был профессиональным гонщиком, любил этот вид спорта, очень увлекался машинами. Он, очевидно, что-то почувствовал и остановил микроавтобус.

– У вас было запасное колесо?

– Конечно. Он его стал менять, а мы поехали дальше.

– Еще один вопрос. В документах вы указали, что сначала ехали в другой машине, но затем к вам пересел Хеелих. Я могу узнать, почему? Ведь вы были первым заместителем Хеелиха. Почему вы оба оказались в одной машине?

– Я же вам объяснил. Он был в микроавтобусе, а Бутцман сидел за рулем автомобиля. Потом, когда спустилось колесо, Хеелих приказал Бутцману пересест в микроавтобус, а сам позвал меня в свою машину и сел за руль, чтобы успеть забрать Нигбура с Вайсом. Вот поэтому мы и оказались вдвоем в одном автомобиле. Не он пересел ко мне, а я – к нему. Он считал, что старшим офицерам будет легче ориентироваться в том беспорядке, который уже начинался на улицах Берлина.

– Кто кроме вас знал об изъятии документов из архивов «Штази»?

– Точно не знаю. Может быть, кто-то из руководства. Я не знаю. Но нам разрешили работать в архиве.

– Вы можете охарактеризовать ваших коллег? В двух-трех словах. Начиная с Хеелиха. Выделить их главные черты. Я понимаю, что прошло много лет, но вы должны помнить каждого из своих бывших товарищей.

– Почему бывших? – сразу спросил Шилковский. – Они для меня всегда остаются товарищами. Что бы ни случилось. Полковник Хеелих был настоящим руководителем. Дисциплинированный, волевой, абсолютное чувство долга. Габриэлла была импульсивной, отважной, часто безрассудной. Она была очень красива. У нее мать испанка и сказывался южный темперамент. Вайс был человеком совестливым, ответственным. Нигбур мягкий, уступчивый, скрытный. Гайслер тоже скрытный, но хитрый, очень изобретательный. Бутцман расчетливый, прагматичный. Менарт был человеком неуступчивым, несколько заносчивым и храбрым. Вот, пожалуй, так, если в нескольких словах.

Дронго ставил какие-то знаки у каждой фамилии. Понять эти нелепые закорючки мог только он. Шилковский терпеливо ждал, когда его собеседник закончит писать. Дронго отложил ручку, посмотрел на сидевшего перед ним человека и неожиданно произнес:

– У меня последний вопрос, герр Шилковский. Скажите, вы не скучаете по Германии? Вам не хочется вернуться?

Дронго внимательно смотрел на своего собеседника. У Шилковского дрогнуло лицо. Очевидно, такой вопрос в этом здании ему не задавали.

– Не знаю, – ответил он, немного подумав, – я там чужой. Меня никто не знает. И мне не стоит думать об этом. Я бы предпочел остаться здесь. Вам этого не понять. У меня отняли мою страну, мое будущее.

– У меня тоже, – сказал Дронго, – мы с вами примерно в одинаковом положении, герр Шилковский.

Прошлое.

Восточный Берлин.

8 ноября 1989 года

Хеелих вернулся на работу через час после встречи. Митинги сотрясали Берлин. У Стены полицейские и пограничники с трудом сдерживали тысячи людей, рвущихся в другую часть города. Хеелих видел бледные потрясенные лица своих коллег. Каждый понимал, что означало такое количество людей у Стены. Если люди прорвутся, если сметут границу, то будет плохо всем, и в первую очередь сотрудникам «Штази». Об этом уже многие догадывались.

Сотрудники его группы обычно собирались на конспиративной квартире и Хеелих дал указание собрать его группу к семи часам вечера. Затем вошел в кабинет заместителя начальника управления Эриха Дамме.

Среднего роста, плотный, лысый, с густыми бровями, Дамме был похож скорее на бакалейщика, чем на старшего офицера разведки. Хеелих как никто другой знал об обманчивой внешности своего друга. Они были знакомы почти двадцать лет и относились друг к другу с должным уважением. Однако он никогда не был близок с Дамме, сказывалась его замкнутость.

– Здравствуй, – кивнул Хеелих, входя в кабинет, – у меня к тебе важное дело.

– Сейчас у нас у всех важные дела, – пробормотал Дамме, – нам нужно вылезать из этой ситуации.

– Вот поэтому я и пришел.

Дамме вздохнул, посмотрел по сторонам. Ни для кого не было секретом, что в здании прослушивались многие кабинеты. В разведке особенно важно не допускать никакой утечки информации. Хеелих сел напротив хозяина кабинета, мрачно произнес:

– Перестань бояться. Все кончено, Дамме. Неужели ты этого не видишь?

– Это еще не конец, – опасливо уставившись на своего друга, пробормотал Дамме. – Люди просто высказывают свое недовольство. У них есть на это право. – Он произнес эти слова медленно, словно раздумывая, а затем неожиданно поднялся и вышел из кабинета, поманив за собой пальцем Хеелиха.

– Ты с ума сошел? – зло спросил Дамме. – Что на тебя нашло? Ты разве не понимаешь, что сейчас будут искать виноватых? Ты всегда был неуправляемым.

– Ты видишь, что творится на улицах, – устало произнес Хеелих. – Говорят, что на митинге уже успел выступить Маркус Вольф. Еще немного и наши сотрудники будут в первых рядах тех, кто ринется на штурм Стены.

– Не говори глупостей, – разозлился Дамме. – Мы пытаемся овладеть ситуацией. Знаешь, сколько людей было вчера на митинге? У меня на столе лежат сводки из Дрездена, Лейпцига, Карл-Маркштадта. Пойди возьми и почитай. Никто не знает, чем все кончится. Похоже, русские решили нас сдать.

– А ты хочешь, чтобы они вывели свои танки и начали стрелять в немцев? – поинтересовался Хеелих.

– Замолчи, – разозлился Дамме. – Я думал, ты понимаешь в каком мы положении. Они нас предали. Русское командование отказалось вмешиваться в наши внутренние дела. В городе

полно американских и западногерманских шпионов. Если Стену прорвут, то первое, что делает народ, ринутся сюда, чтобы завладеть архивами. Мы уже начали продумывать, как эвакуировать наши архивы. Куда-нибудь на Восток. Возможно, даже вывезем часть документов в Советский Союз. Ты даже не можешь себе представить, в каком положении страна. Вчера вечером наконец подал голос наш генеральный прокурор Гюнтер Вендланд. Он заявил, что прокуратура начала проверку деятельности бывших членов руководства страны. Представляешь? Они теперь осмелели настолько, что говорят о прежних руководителях как о касте «неприкасаемых». Сказал бы он такое при Хонеккере. Этот Кренц мне всегда не нравился, пустое место. Типичный демагог и популист. Он явно не справится с ситуацией. Слава Богу, сегодня они подали в отставку.

– Кто подал в отставку? – не понял Хеелих. – Правительство ушло вчера.

– Политбюро, – пояснил Дамме. – Так ты еще ничего не знаешь? Сегодня на пленуме ушло в отставку в полном составе Политбюро ЦК партии. Сейчас избирают новый состав Политбюро. Хочешь скажу тебе новость, которую все узнают только завтра?

Хеелих молча смотрел на него. Мимо пробежали два офицера «Штази».

– Так вот, – сказал Дамме устало, – наши источники полагают, что завтра опять произойдут изменения. Можешь себе представить наше положение?

– Что думаете делать?

– Ничего, – зло ответил Дамме, – будем сидеть и ждать, пока сюда придут и повесят нас на деревьях рядом с нашим зданием. Ты знаешь, как это было в Будапеште, в пятьдесят шестом. Сначала сотрудников госбезопасности избивали, а затем живыми вешали на деревьях, чтобы все видели. Вот так будет и с нами. Будем качаться на уровне второго этажа.

– А у меня страх высоты, – горько пошутил Хеелих. – Хватит, Дамме. Тебе вредно столько сидеть в кабинете. Выйди и погуляй. Может, начнешь смотреть на жизнь по-другому. Не нужно быть таким мрачным. Если люди не хотят оставаться в нашей стране, значит, что-то мы делали неправильно. Тебе так не кажется?

– Иди ты... – посоветовал Дамме. – Я останусь на своем посту до конца. Ты меня знаешь, я отсюда не уйду.

– У меня есть приказ руководства о ревизии нашего архива, – сообщил Хеелих.

– Понятно, – усмехнулся Дамме. – Я все время думал, кто будет нашим могильщиком. Значит, ты. Приедешь и заберешь самые важные документы, а остальные уничтожишь. Так?

– Мне нужен доступ. Сегодня вечером моя группа будет работать в вашем архиве.

– Делай, что хочешь. У тебя есть приказ, ты его должен выполнять. Я предупрежу охрану, чтобы вас пропустили. Ты всегда нравился начальству. Наверно, поэтому тебе больше доверяют, чем мне.

– С тобой тяжело говорить, – признался Хеелих. – Возьми отпуск и уезжай в горы.

– Нет, – ответил Дамме, – я приеду ночью. Хочу посмотреть, как вы будете разорять наш архив.

– Мы попытаемся спасти самые важные документы, – сказал Хеелих.

– У нас все самое важное, – ответил Дамме. – Я бы никому не позволил вывезти отсюда документы. Они должны исчезнуть вместе с нами.

– Может, люди и правы, – вдруг сказал Хеелих. – Если мы все такие упертые, как ты, Эрих, может, они правильно делают, что бегут от нас?

Он оставил своего собеседника в коридоре и пошел к выходу. Дамме молча смотрел ему вслед. Через полтора часа группа «Р» была в сборе. Полковник Хеелих оглядел сотрудников. Все были на месте. И все понимали сложность момента. Они были вместе в стольких ситуациях. Они так доверяли друг другу. Шилковский, Нигбур, Менарт, Вайс, Гайслер, Бутцман. Шестеро мужчин, не считая его самого, и единственная женщина – Габриэлла Вайсфлог. Они все смотрели на него. Они так привыкли ему доверять.

– У нас важное задание, – строго сказал Хеелих. – Ничего не буду объяснять, думаю, что вы сами все понимаете. Сегодня ночью нужно подготовить часть документации к вывозу из здания «Штази». Работать будем ночью, чтобы нам никто не помешал. Если сегодня начнем, к завтрашнему дню закончим. Перевезем документы завтра ночью. Вопросы есть?

– Вы получили официальный приказ? – Кажется, это спросил осторожный Бутцман.

– Да, – кивнул Хеелих, – у меня есть распоряжение министра национальной безопасности. Мы должны вывезти самые ценные документы из нашего архива.

– Кто еще знает о нашей операции? – уточнил Нигбур.

– Никто, – ответил Хеелих. – У нас есть приказ министра о проверке архива. Нам придется действовать самостоятельно. Я уже предупредил Дамме, что мы собираемся сегодня работать в архиве. Но в план операции он не посвящен. Нам предстоит сложная работа.

– Когда? – Последний вопрос задала Габриэлла. Может, сегодня вечером она должна была встретиться с кем-нибудь из своих многочисленных друзей?

– Прямо сейчас, – ответил Хеелих. – Мы начинаем работать.

Москва.

31 октября 1999 года

– Что у вас за манеры, – рассерженно говорил Осипов, обращаясь к Дронго. – Зачем нужно было говорить Шилковскому, что вы нештатный сотрудник разведки. У вас какая-то болезненная неприязнь к государственным организациям. И ваши расспросы о его возвращении в Германию. Он только начинает приходить в себя. Врачи буквально вытащили его с того света. А вы мучили его своими бестактными вопросами.

– Во-первых, подслушивать всегда плохо, – пошутил Дронго, понимавший, что их разговор не только прослушивался, но и был записан дежурным офицером. – Во-вторых, он не такой слабохарактерный, как вы его представляете. Все-таки он бывший сотрудник внешней разведки и офицер, а не барышня. И наконец, в-третьих, я действительно не люблю государственные организации. Но я их не люблю только после августа девяносто первого года. И еще больше – после декабря, когда именно с них началось разрушение моего государства. Вам легко говорить, Георгий Самойлович. Вы остались работать в своей стране, в своем городе, в своей организации. Вам не пришлось отказываться от своих взглядов, приносить присягу новым господам и новым режимам. А для меня такой выбор был невозможен. Некоторые из моих знакомых очень неплохо устроились. Они продают себя любому режиму, готовы приносить присягу кому угодно. Лишь бы за это им хорошо платили. А я всегда помню Конфуция, который сказал: «Благородный муж служит государству до тех пор, пока это не входит в противоречие с его принципами чести». Хотя Конфуций, кажется, сказал вместо слова «государство» – «государь», а для меня это еще более неприемлемо. Вот поэтому я с тех пор и не люблю государственные организации. Имея такой аппарат, располагая разветвленной агентурной сетью во всем мире, вы не смогли и не захотели предотвратить распад своего государства. Как я после этого должен к вам относиться?

– У меня такое ощущение, что нам пора прекращать операцию, – зло сказал Осипов. – Ваши патетические речи больше подходят для митингов коммунистов, а не для нашего ведомства.

– Думаете, поможет? – пожал плечами Дронго. – Давайте лучше договоримся, что вы не будете меня дергать. Я работаю своими методами. Если вы мне поручили работу, я ее постараюсь сделать. А каким образом я ее выполню, это мое дело.

– Как угодно, – сухо сказал Георгий Самойлович. – Между прочим, гонорар мы уже перевели на ваш банковский счет.

– Напрасно. Если я потерплю неудачу, мне придется возвращать деньги.

– А вы можете потерпеть неудачу?

– Странный вопрос. Вы считаете, что у меня могут быть гарантии? Вы ведь профессионал.

– Именно поэтому я вас и предложил. Дело обстоит не совсем так, как вы полагаете. Вам нужно не просто вычислить предполагаемого информатора. Боюсь, что нам будут мешать. И мешать с определенной целью. Американцы готовы выложить любые, абсолютно фантастические, суммы, чтобы получить информацию об агентуре, «законсервированной в Германии». Мы предприняли очень большие усилия десять лет назад, чтобы сохранить наиболее ценных агентов. Очень большие усилия, – повторил Осипов. – И вы даже не можете себе представить, какой будет нанесен ущерб, если все еще существуют копии документов, которые должны были быть уничтожены.

– Неужели ваши аналитики не имеют никаких версий?

– Мы вычислили Нигбура, – объяснил Осипов. – Они полагали, что это Нигбур. Но мы ошиблись.

– Я знаю, чем кончилась ваша ошибка.

– Хватит. Вы себе много позволяете, Дронго. Вы ведь прекрасно понимаете, что не можете выйти из игры. В течение ближайших дней все будет решено. И пока мы не найдем информатора, вы будете под самым пристальным вниманием наших сотрудников. Если мы его найдем, то прекрасно, все будет закончено. А если не найдем... тогда меня отсюда выгонят и вы вернетесь домой.

– Я подозревал, что вам нельзя доверять, – усмехнулся Дронго. – Только не нужно меня пугать. Чтобы вытряхнуть из меня все секреты, которые мне известны, понадобится работа целого отдела вашего управления в течение нескольких лет. Я уже давно привык ничего не бояться.

– Я вас не пугаю. Я лишь реально смотрю на вещи. Вы согласны продолжить расследование или будете отдыхать у нас до десятого ноября? Вы слишком ценный эксперт, чтобы от вас так просто избавиться.

– Как высоко вы меня оценили. Не нужно меня пугать. Конечно, я полечу в Израиль. И вы прекрасно знаете, что я никогда не останавливаюсь на полпути.

– В таком случае завтра утром вы вылетаете в Тель-Авив. Компания «Трансаэро», вам заказан билет бизнес-класса. Сопровождать вас будут два наших сотрудника. Они будут вас охранять. Мужчина и женщина. Они полетят как семейная пара.

– Неужели они могут ввезти оружие в Израиль?

– Зачем? – удивился Осипов. – Профессионалы умеют действовать и без оружия. Они настоящие специалисты. Вы немного отстали от жизни, Дронго. Сейчас можно обеспечить настоящую охрану и без револьверов. Это уже вчерашний день.

– И наблюдение за мной?

– И наблюдение за вами, – кивнул Осипов. – Завтра утром вы вылетаете в Израиль. Кстати, вы еще не сказали, как вам понравился Шилковский.

– Он действительно был так плох?

– Очень плох. Пуля попала в позвоночник. Мы нашли его в таком тяжелом состоянии, что даже не хотели вывозить из Берлина. Думали, не выживет. Парень оказался живучим. Но обратно в Берлин мы его, конечно, не отпустили. Ведь прошло столько лет.

– Вы не выясняли, почему на них напали? Кому понадобилось их убивать? Шилковский был прав, когда говорил, что только вам было выгодно их убить, после того как они сдали вам документы.

– Какая чушь, – поморщился Осипов. – Вы мыслите стандартными категориями прошлого. Зачем нам их убирать?

– Очевидно, смерть Нигбура несколько отличается от «стандартных категорий прошлого»? – иронически спросил Дронго.

– С вами невозможно разговаривать, – разозлился Осипов. – Нет, тысячу раз нет. Зачем нам нужно было сначала стрелять в Шилковского, а затем его спасти? Мы бы пристрелили его на месте. Но нам было важно узнать, кто и почему решил напасть на них. Нам важно было понять, кто был предателем в этой группе и кто знал о нашей акции. И все эти годы мы пытались узнать, но у нас ничего не получилось. Повторяю – мы этого не делали. И мы до сих пор не знаем, кто и почему напал на них.

В комнате наступило молчание.

– Я еще поработаю с документами, – сказал Дронго, – отосплюсь в самолете. Надеюсь, с Бутцманом все в порядке. Он еще жив?

– Не нужно так шутить, – парировал Георгий Самойлович. – Вы хотите познакомиться со своими сопровождающими?

– Нет. Завтра мы все равно познакомимся.

– Как хотите. До свидания.

Дронго поднялся и вышел из кабинета. Осипов долго смотрел ему вслед. Затем поднял трубку телефона и сказал:

– У нас могут быть проблемы. Нужно продумать наши варианты во всех подробностях.

Тель-Авив.

2 ноября 1999 года

Он приехал в Шереметьево-1 за час до посадки. Обычно он просил, чтобы ему заказали VIP-зал, чтобы по возможности избежать общения с другими пассажирами. Просторный зал аэропорта Шереметьево-1 напоминал еще о тех временах, когда через него проходили правительственные делегации, и поэтому в зале был установлен бюст Ленина. Дронго сидел на диване и читал газету, когда увидел, что к нему подходит молодая пара.

– Здравствуйте, – вежливо сказал молодой человек. – Мы, кажется, летим вместе.

Дронго убрал газету и посмотрел на подошедших. Высокий молодой человек, лет тридцати пяти. Открытое дружелюбное лицо, светлые волосы, добрая улыбка. Он был похож скорее на журналиста или научного работника, чем на громилу, способного обеспечить безопасность охраняемого лица. Рядом с ним стояла женщина. Ей было тоже не меньше тридцати пяти. Волевой подбородок, нос с небольшой горбинкой, красивые зеленые глаза, темные, коротко стриженные волосы. Дронго поднялся.

– Мне нужно представиться? – усмехнулся он, обращаясь к незнакомцам.

– Нет, – ответил молодой человек, – не нужно. Я Андрей Константинович, а это Лариса. Лариса Шадрина, соответственно моя жена.

– Очень приятно, – пробормотал Дронго, кивнув женщине, которая молча смотрела на него. – Садитесь, – показал он на диван рядом с собой. Они сняли плащи. Мужчина был в костюме. Женщина в платье чуть выше колен. У нее были ровные, красивые, чуть мускулистые ноги, какие бывают у спортсменов. Она села рядом с ним, достала сигареты. Потом взглянула на Дронго.

– Извините, – произнесла она низким резким голосом. – Вы, кажется, не курите?

Это были первые слова, которые он от нее услышал.

– Нет, – ответил Дронго, – но вы можете курить. Я терпеливый.

Она словно не слышала его слов. Поднялась, отошла в сторону и щелкнула зажигалкой.

– Тяжелая у вас «семейная жизнь», – пошутил Дронго, глядя на женщину и обращаясь к Андрею Константиновичу.

– Наверно, – улыбнулся тот. – Вообще-то в семье все должна решать женщина.

– Особенно в такой образцовой, как ваша, – кивнул Дронго. – Как ее зовут на самом деле? Если, конечно, вы не выдаете важную государственную тайну.

– Так и зовут, – ответил Андрей Константинович, – это ее настоящее имя. Мы – журналисты, отправляемся в Израиль готовить материалы для нашего радио.

– Не сомневаюсь, что вы привезете оттуда самый лучший репортаж, – буркнул Дронго, снова разворачивая газету.

Лариса докурила сигарету и вернулась. Усевшись на диван, она взяла другую газету и молча стала читать ее, так и не проронив ни слова до того момента, когда наконец объявили посадку. В салоне Дронго с удивлением обнаружил, что у его сопровождающих были билеты в салон эконом-класса. Поднявшись со своего места, он прошел во второй салон.

– Извините, – сказал он, обращаясь к женщине, – может, мы поменяемся местами. Я сяду с вашим мужем, а вы пересядете на мое место.

Она взглянула на него. Зеленые глаза смотрели с несколько большим интересом. Она говорила, делая небольшие паузы, словно обдумывая каждое свое слово.

– Спасибо, – сказала она, – не нужно пересаживаться. Вам положено сидеть в бизнес-классе, а мы останемся здесь, на своих местах.

– Ваше ведомство могло бы купить всем нам билеты в первый класс, – пробормотал Дронго, – но обещаю вам, что не выйду из самолета до тех пор, пока мы не приземлимся в Тель-Авиве.

– Надеюсь, вы сдержите слово, – ровным голосом произнесла она.

Он вернулся на свое место. Один из знакомых онкологов однажды объяснил Дронго, что радиация в самолете превышает допустимый фон и, чтобы хоть как-то защититься от нее, нужно пить красное вино. А так как красное вино было практически единственным алкогольным напитком, который он употреблял, то он честно последовал рекомендациям врача и выпил несколько стаканов красного вина.

В Тель-Авиве было жарко и многолюдно. Один из самых охраняемых аэропортов мира был по-восточному шумным и многоголосым. Они быстро прошли пограничный и таможенный контроль. Для семейной пары журналистов Шадриных была заказана машина. Когда Дронго получил свой чемодан и направился к выходу, неожиданно за его спиной оказался Андрей.

– Лариса оформила машину, – пояснил он, – мы ждем вас на улице. Сразу отвезем в отель.

– Какой отель вы мне заказали?

– «Холидей Инн».

– Нужно было «Хилтон», – вздохнул Дронго.

– Почему «Хилтон»? – не понял Андрей.

– Меня ведь послали не просто так, – тихо пояснил Дронго. – Ваше руководство полагает, что за Бутцманом должно быть установлено наблюдение. И появление сотрудника внешней разведки рядом с домом Оливера Бутцмана будет выглядеть как своеобразный вызов вашей службы. Я же не должен вызывать раздражения ни у израильтян, ни у немцев, не говоря уже об американцах.

– Не понимаю, при чем тут «Хилтон»? – спросил Андрей.

– Во многих разведках мира знают, что я живу в отелях «Хилтон», уже много лет ношу обувь и ремни фирмы «Балли», употребляю парфюм «Фаренгейт». Я не считаю себя популярным эстрадным исполнителем, о котором пишут таблоиды, но мои привычки всем известны. Хотя в последние годы я иногда живу и в других отелях. Ладно, пусть будет «Холидей Инн». Это не столь принципиально.

Они вышли на улицу, и сразу рядом с ними затормозил «фиат», за рулем которого сидела Лариса. Андрей уселся рядом с ней на переднем сиденье, Дронго устроился сзади.

Почти все время они молчали. Андрей дремал, Дронго смотрел по сторонам. Он отметил, как уверенно женщина чувствовала себя за рулем. Она так же уверенно ориентировалась в дорожных указателях, безошибочно выбирая верный путь.

– Вы раньше бывали в Израиле? – понял Дронго.

Она взглянула на него в зеркало заднего обзора и ничего не ответила.

– Меня нервирует ваше молчание, – заметил Дронго. – Я не уверен, что молчание всегда золото. Либо вам нечего сказать, либо вы не хотите со мной разговаривать.

– Возможно, – коротко ответила Лариса, выруливая на дорогу.

– Что, возможно?

– Любая причина, какая вам нравится.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил Дронго.

– За нами следят, – неожиданно сказала она, глядя на идущую за ними машину.

– Что? – сразу проснулся Андрей.

– За нами следят, – подтвердила она. – Я заметила их от самого аэропорта.

– Одна машина? – спросил Андрей.

– Кажется, две. Они меняют друг друга, обгоняя нас или немного отставая.

– Я вам говорил про «Хилтон», – напомнил Дронго.

– Нужно было добираться на разных машинах, – нахмурился Андрей.

– Нет, – ответил Дронго, – так гораздо лучше. Если за нами следят, значит, они сразу бы вас вычислили. Мы прилетели на одном самолете, одним рейсом и остановились в одной и той же гостинице. Я думаю, в такие совпадения профессионалы не верят. Они проверили бы вашу службу на радио и все бы узнали. Поэтому лучше, что мы поехали вместе. Если это израильская контрразведка, то они поймут, что вы обеспечиваете мою безопасность.

– А если не израильская? – спросил Андрей.

– Тогда поймут, что меня прислала сюда ваша служба, – невозмутимо ответил Дронго. – В любом случае они должны были нас вычислить. Меня только волнует, почему они сделали это так быстро.

– Это израильтяне, – коротко сообщила Лариса.

– Почему вы так думаете? – нахмурился Дронго. Он примерно догадывался, какой ответ должен услышать.

– Мы предупредили их о своем визите, – сообщила женщина, подтверждая его худшие опасения.

Андрей несколько ошеломленно взглянул на нее, но ничего не сказал. Видимо, Дронго не полагалось знать о таких деталях.

– Можно узнать, почему вы это сделали? – поинтересовался Дронго.

– Можно, – ответила женщина. – Наше руководство полагает, что в такой небольшой стране, как Израиль, спрятаться невозможно. При существующей системе безопасности это еще и рискованно. К тому же вы слишком известный человек, чтобы просто так прилететь в Израиль на один день. За вами все равно бы устроили слежку. Плюс встреча с бывшим сотрудником «Штази», о котором израильтяне знают. Они могли вас задержать на несколько дней и сорвать нам всю операцию. Поэтому было принято решение информировать израильскую разведку о нашем визите. Они знают, что вы собираетесь говорить с Бутцманом и что мы – ваши телохранители. В подробности, конечно, мы их не посвятили. Надеюсь, вы будете говорить так, чтобы никто, в том числе и Бутцман, не понял истинных целей вашего визита.

– Какой длинный монолог, – восхитился Дронго, – прямо шекспировские страсти. Вы его выучили, или это был экспромт?

Женщина сжала губы и не ответила на его едкое замечание.

– Вы усложняете мне работу, – недовольно закончил Дронго. – Может, вы и в Германию послали сообщение о нашем визите? Может, и в БНД уже обо всем знают?

– Это было необходимо, – пояснила Лариса. – У нас сейчас партнерские отношения с МОССАДом. Мы сотрудничаем...

– С чем я вас и поздравляю, – разозлился Дронго. – И они теперь будут знать, что я прибыл в Израиль в сопровождении двух сотрудников Службы внешней разведки. Вы портите мне репутацию, Лариса. Неужели вы этого не понимаете? Весь мир знает, что я независимый эксперт, а вы так гадко меня подставляете.

– Независимых не бывает, – сказала женщина, глядя на дорогу. – И не нужно больше об этом. Я могла вам этого не говорить, но посчитала нужным поступить именно так.

– Только не врете, – поморщился Дронго. – Вы были обязаны мне сказать об этом, чтобы я, соответственно, правильно построил свой разговор с Бутцманом. Верно?

Она молчала. Андрей взглянул на нее.

– Верно? – снова спросил Дронго. – Если вы не ответите, я попрошу вас остановить автомобиль и сойду.

– Не угрожайте, – мрачно попросила она. – Да, вы правы. Мне разрешили сообщить вам об этом в любое удобное время перед разговором с Бутцманом.

– Считайте, что сообщили, – Дронго закрыл глаза. – Ненавижу все спецслужбы в мире, – пробормотал он достаточно громко, чтобы его услышали. Андрей улыбнулся. Лариса невозмутимо продолжала вести машину.

Они разместились в отеле на одном этаже. Правда, их номер оказался чуть дальше сюита Дронго, выходявшего окнами на море. Он принял душ и переоделся, когда в дверь постучали. Дронго открыл дверь. На пороге стоял Андрей. Он тоже успел переодеться и был в светлом костюме и голубой рубашке.

– Я хочу спуститься вниз поесть. Вы не хотите пойти со мной? – любезно спросил Андрей.

– Нет. Я собираюсь звонить Бутцману и договариваться о нашей встрече.

– Он сейчас еще на работе, – взглянул на часы Андрей, – будет дома только через полтора часа. Вы ведь знаете, что он работает в частной строительной компании. И вас просили не звонить ему на работу.

– Вы все обо мне знаете, – отмахнулся Дронго. – Я лучше полежу у себя в номере. А где ваша спутница?

– Принимает душ, – сообщил Андрей.

– После вас? – уточнил Дронго. – У вас влажные волосы, Андрей. Я думаю, вы не станете возражать, если я буду называть вас по имени. Вы, кажется, немного моложе меня. Неужели она уступила вам ванную комнату? Или она в тот момент, когда вы принимали душ, выходила из номера?

– Я иду в ресторан, – ледяным тоном ответил Андрей.

Дронго закрыл дверь. Значит, они сообщили о приезде группы. Значит, эта операция настолько важна для Москвы, что они готовы взять в союзники даже МОССАД, не раскрывая, конечно, истинных мотивов их визита. Наверно, они сообщили, что Дронго хочет уточнить некоторые детали операции восемьдесят девятого года. Наверно, так. Они бы не стали говорить об агентах, оставленных в Германии. Эта сеть настолько важна и законспирирована, что МОССАД может попытаться начать свою игру.

Он взглянул на часы и вышел из номера. В конце коридора стояла горничная с тележкой. Дронго подошел к ней. Женщине было лет пятьдесят. Она была маленького роста, с темными волосами и загорелым лицом. Увидев Дронго, она приветливо поздоровалась по-английски.

– Вы говорите по-английски? – уточнил Дронго.

– Нет, мистер, – ответила горничная, – извините, но я не говорю по-английски.

– А по-русски? – неожиданно спросил он.

– Я из Биробиджана, – обрадовалась женщина, – мы переехали сюда четыре года назад. Вы тоже оттуда?

– Я приехал в гости, – кивнул Дронго. – Вы можете открыть мне дверь? Жена принимает душ, а я забыл ключ.

– Нам запрещено, – призналась она, – но я вам сейчас открою. Только вы меня не выдавайте.

Она подошла к номеру, где остановились «супруги Шадрины», и карточкой открыла дверь.

– Пожалуйста, – улыбнулась женщина.

– Спасибо. – Дронго положил на ее тележку двадцатидолларовую купюру и вошел в номер. Из ванной доносился шум воды. Он прошел в комнату. Два чемодана, один из которых был открыт. Не составляло труда проверить, какой из них принадлежал женщине. На кровати лежало ее нижнее белье. «Очевидно, она часто ездит за границу, – подумал Дронго. – Такое белье стоит в Москве огромных денег. Наверно, она покупает его за рубежом». Он открыл чемодан. Приборы прослушивания, скремблеры, – он так и думал.

– Закройте чемодан, – услышал Дронго за спиной.

Он обернулся. Лариса стояла на пороге ванной, сжимая в руках пистолет. Ее глаза потемнели от бешенства.

– Вам даже разрешили взять с собой оружие, – заметил Дронго. – Очень мило с их стороны.

– Закройте чемодан, – повторила она.

– Спокойно, – посоветовал Дронго, закрывая чемодан. – Вы можете в меня выстрелить.

– Вы даже не представляете, как я этого хочу, – призналась она.

– Вот почему вы «задержались» с оформлением машины, – понял Дронго. – Вы предупредили израильтян, чтобы они разрешили вам провезти оружие и приборы. Теперь понятно, почему вы были так уверены, что за нами будут следить.

– Отойдите от чемодана, – потребовала она со злостью.

Он сделал два шага в сторону.

– Уберите пистолет, – попросил он. – Пол скользкий. Вы можете поскользнуться и нечаянно выстрелить. А мне совсем не хочется умирать так глупо.

– В следующий раз стучите, когда входите в чужой номер, – посоветовала она, опуская пистолет.

В этот момент полотенце неожиданно упало на пол. Лариса даже не сделала попытки за ним наклониться. Лишь стояла и смотрела на Дронго. Небольшая грудь, плоский живот, развитые мышцы рук и ног, как у спортсменов.

– У вас хорошее тело, – пробормотал он. – Кажется, вы бывшая спортсменка?

– Закончили осмотр? – спросила она, затем наклонилась и подняла полотенце, но даже не сделала попытки снова им прикрыться.

Он увидел на ее левом плече след от затянувшейся раны. Ошибиться было невозможно. Это был след от пулевого ранения.

– Подождите, – громко сказал Дронго, когда она повернулась, чтобы вернуться в ванную.

– Что? – спросила женщина. – Вам еще что-нибудь показать, или достаточно стриптиза на первый раз?

– Я хотел извиниться, – пробормотал он. – Мне показалось странным, что нас так быстро вычислили, и я хотел убедиться в том, что мои подозрения напрасны. Извините, я не думал, что вы выйдете из ванной. И тем более я не рассчитывал, что у вас упадет полотенце.

– Вам не говорили, что вы хам? – неожиданно улыбнулась она. – Я думала, вы извинитесь за то, что влезли в наш номер. А вас, оказывается, смущает только упавшее полотенце.

– И оно тоже, – кивнул Дронго. – Во всяком случае, теперь я знаю распределение ваших обязанностей в паре. Андрей, очевидно, из аналитического управления, а вы отвечаете за мою

ликвидацию. Я имею в виду ваш пистолет. Шаг влево, шаг вправо, и вы стреляете. Мне будет приятно умереть от рук такой симпатичной женщины.

– Уходите, – сказала Лариса, все-таки прикрываясь полотенцем.

– Обязательно. Кстати, для вашего возраста у вас идеальная грудь. Вам никто об этом не говорил?

– Хам, – громко сказала она и рассмеялась. – Какой же вы хам!

Он вышел из номера и вернулся к себе в скуит. До назначенного времени оставалось около часа.

– Оливер Бутцман, – вспомнил Дронго. – Значит, он второй из оставшихся в живых. Второй после Шилковского.

Прошлое.

Восточный Берлин.

9 ноября 1989 года

Профессионалы видели ситуацию в Берлине и по всей стране лучше других. И каждый из них понимал, что необходимо уничтожить все документы или самые ценные вывезти из архива еще до того, как сюда войдут посторонние. Всю ночь они работали. Дамме предложил помощь своих сотрудников, но Хеелих отказался, справедливо рассудив, что чем меньше людей, тем больше гарантий от провала.

По приказу Дамме сотрудники его отдела не мешали группе Хеелиха готовить документы. Они работали с небольшими перерывами, чтобы успеть выполнить задание за сутки. Никто из них даже не подумал уехать домой девятого числа. Однако Хеелих несколько не рассчитал время. Чтобы подготовить документы, требовалось гораздо больше времени, чем ночь. Только девятого ноября, примерно к десяти часам вечера, они закончили всю работу, погрузили самые важные досье в микроавтобус и два автомобиля, на которых собирались выехать за город. Хеелих приказал остаться Нигбуру и Вайсу, которые должны были уничтожить следы их пребывания в архиве.

К этому времени события в Берлине уже вылились в массовые демонстрации у Берлинской стены. Член Политбюро Гюнтер Шабовский объявил на пресс-конференции, что визовые ограничения снимаются и каждый гражданин ГДР может посещать соседнее государство. Один из журналистов спросил, с какого момента снимаются эти ограничения. Шабовский, не совсем понявший его вопрос, ответил – с момента опубликования этого решения.

– То есть с этой минуты, – уточнил назойливый журналист.

– Да, – ответил Шабовский несколько растерянно. – Можно сказать, да.

В десятичасовых новостях эта новость была передана как официальное разрешение на посещение Западного Берлина безо всяких ограничений. И толпа хлынула к границе. Растерявшиеся офицеры даже не пытались выдавать визы. Они открыли границы и безучастно наблюдали, как тысячи людей переходят государственную границу, направляясь в обе стороны. Справедливости ради стоит признать, что самый массовый поток был в Западный Берлин. Люди плакали от счастья, кричали, пели. Пограничники и офицеры полиции даже не вмешивались. Многие сотрудники спецслужб ГДР еще никак не могли понять, что именно происходит. Некоторые поворачивались и уходили домой, чтобы не видеть всего этого. К ночи девятого ноября стало ясно, что Берлинская стена, служившая двадцать восемь лет примером противостояния двух систем, обречена.

Группа Хеелиха выехала поздно ночью. В этой части города людей было меньше, чем обычно. Все спешили к Стене, рассчитывая прорваться в Западный Берлин. Многие не верили, что это надолго, некоторые полагали, что границу через несколько дней закроют. Бутцман сидел за рулем первого автомобиля и напряженно смотрел вперед.

Хеелих находился рядом с ним. Автомат лежал на коленях. Даже своему напарнику Бутцману, даже своему заместителю Шилковскому Хеелих не сказал, куда именно они едут. Он понимал, как важно сохранить в тайне их сегодняшнюю поездку. Через час они были на месте. Хеелих увидел огни автомобилей и остановил машину в пятидесяти метрах от нужного места. Затем вышел, сжимая автомат. Из третьей машины вышли для подстраховки Гайслер и Вайсфлог. Они тоже имели при себе автоматы. Хеелих оглянулся. Каждый офицер знал свою задачу. Третья машина затормозила в стороне, чтобы не мешать микроавтобусу в случае необходимости дать задний ход и скрыться. Бутцман, оставшийся за рулем первого автомобиля, развернул свою машину так, чтобы в случае необходимости загородить дорогу преследователям. А они втроем, с Карстеном Гайслером и Габриэлой Вайсфлог, обеспечат отход автомобиля. Шилковский знал, куда нужно прорываться в случае засады.

Хеелих увидел, как к нему медленно приближаются два человека. Он сжал в руках автомат и сделал несколько шагов по направлению к ним.

– Хеелих! – громко окликнул его один из незнакомцев. Полковник растерянно опустил автомат. Он узнал этот голос. Он не мог бы его перепутать ни при каких обстоятельствах. Значит, все нормально. Все так и должно быть, если перед ним этот человек. Значит, согласие на вывоз документов было получено на самом высоком уровне.

– Я здесь, – ответил Хеелих.

Они подошли совсем близко. Один из них был представителем советского КГБ.

– Мы привезли, – сообщил Хеелих. Он не стал объяснять, что именно. Они знали, о чем идет речь.

– Грузите в наши автомобили, – предложил представитель Москвы, – вы успели, Хеелих. У вас с сегодняшнего вечера уже нет государственной границы с Западным Берлином, и любой посторонний может проникнуть в здание вашей организации.

– Я знаю, – ответил Хеелих. Он повернулся и махнул рукой, разрешая автомобилям приблизиться. Бутцман дал газ и медленно поехал к нему. За ним также не спеша двинулся микроавтобус. Когда первая машина поравнялась с ним, Хеелих наклонился к Бутцману: – Поезжай вперед, пусть они следуют за тобой. Вас уже ждут, чтобы выгрузить документы.

Когда мимо проезжал микроавтобус, он увидел напряженные лица Менарта и Шилковского. И кивнул им головой, подтверждая, что все в порядке.

– Почему так случилось? – спросил Хеелих, обращаясь к обоим представителям. – Разве нельзя было этого предусмотреть?

Советский представитель нахмурился. Он ничего не сказал, только чертыхнулся. Немецкий оказался более выдержанным.

– Вы слышали сегодняшние новости? – спросил он. – Из Политбюро выведены Беме, Ланге, Хемнитцер, Вальде.

– Их только вчера избрали, – вспомнил Хеелих. Он понял, о чем именно ему говорил Дамме.

– Вчера, – кивнул его собеседник, доставая сигареты, – а сегодня вывели. Такие у нас теперь правила, полковник. Поэтому не нужно ничему удивляться.

Хеелих замолчал. Он обернулся и заметил, что на него смотрит Габриэлла. Он всегда ей нравился. Полковник знал об этом, она ему сама призналась еще в прошлом году. Но он запретил себе даже думать о ней, понимая, что подобные отношения могут помешать их работе. Кажется, она обиделась на него и не скрывала своей этого.

– Что нам делать? – несколько напряженным голосом спросила Габриэлла. Возможно, она услышала последние слова собеседника Хеелиха.

Очевидно, задавая вопрос, она имела в виду не положение их группы, а состояние их страны. Но полковник Хеелих не знал ответа.

– Ничего, – ответил он. – Мы возвращаемся в город через несколько минут. Как только закончим.

Он впервые подумал, что две страны могут объединиться в одну, и тогда ему не будет места в этой большой стране. Он был на хорошем счету у руководства и слишком часто выполнял деликатные поручения Министерства безопасности, переправляя нужных людей из Западной Германии в Восточную. И не всегда с их согласия. Такое не прощается. На его счету было еще несколько громких дел. В Восточной Германии он получил за них благодарности и ордена. В Западной его обвинят в пособничестве террористам и дадут пожизненное заключение. Он подумал, что не сядет в тюрьму ни при каких обстоятельствах. Скорее, предпочтет самоубийство.

Подбежал Менарт.

– Мы закончили. Все в порядке, полковник. Но, кажется, у меня спустилось колесо.

– Потом разберемся, – отмахнулся Хеелих, – сейчас уезжаем. Надо торопиться. Садитесь в машины.

– Спасибо, полковник, – протянул ему руку советский представитель. – Вы выполнили свою работу.

– Я служил своей стране, – строго ответил Хеелих, – и если бы не эта ситуация... Никто бы меня не заставил сдать вам наши документы. Никто.

Он повернулся и взглянул на немецкого представителя. Тот стоял с поникшим видом. У него не хватило мужества протянуть на прощание руку.

– Прощайте, – кивнул полковник. – Надеюсь, мы еще повоюем за нашу страну.

Когда они расселись по машинам, Хеелих обратился к Бутцману.

– У тебя нет лекарства от головной боли?

– Что? – изумился Оливер Бутцман. – У вас болит голова? Впервые за столько лет, полковник.

– Голова, – кивнул Хеелих, – наверно, это головная боль. Я даже не знаю, как это назвать. Ему оставалось жить около пятнадцати минут.

Тель-Авив.

1 ноября 1999 года

Дронго заказал обед в номер и ждал, когда наконец сможет позвонить Бутцману. Когда часы показали шестой час, он вышел из своего сюита и прошел в номер, где разместились Лариса и Андрей. На этот раз он постучал. Дверь открыл Андрей. Увидев Дронго, он приветливо кивнул и впустил его. Лариса сидела в кресле и читала газету. Дронго отметил, что газета была на английском языке.

– Мне пора звонить, – пояснил он.

Она холодно посмотрела на него.

– Вы могли бы позвонить из своего номера, – заметила Лариса.

– Хорошо, – кивнул Дронго, – я так и сделаю. Но я хотел, чтобы вы знали. Мы ведь работаем вместе.

– Вы всегда так себя ведете, – поинтересовалась Лариса, – или только по отношению к женщинам.

– Я чувствую себя некомфортно, когда человек изначально настроен ко мне плохо, – признался Дронго. – Нам будет трудно работать вместе, – сказал он достаточно серьезно.

– У меня нет права выбора, – пожала она плечами. – Вернемся через неделю в Москву, и вы сможете выбирать себе других сопровождающих.

– Это не обязательно. – Невозможно было понять, когда он шутит, а когда говорит серьезно. – Наша вчерашняя встреча доставила мне большое удовольствие.

Она вспыхнула, чуть покраснела. Андрей смотрел на них, не понимая, о чем они говорят.

– Я позвоню отсюда, – сказал Дронго. – Если за нами следят, значит они все равно будут прослушивать оба телефона.

Он подошел к аппарату, набрал номер и, когда услышал ответ, попросил на английском языке Оливера Бутцмана. Женский голос попросил подождать. Дронго помнил, что вместе с Бутцманом в Израиль переехала его мать, жена и две дочери. Очевидно, это была одна из дочерей.

– Добрый вечер, – услышал он в трубке мягкий голос Бутцмана. – Кто говорит?

– Добрый вечер, – ответил Дронго, – я приехал по поручению ваших друзей из Германии, и мне нужно с вами встретиться.

– Каких друзей? – насторожился Бутцман.

– Ваших прежних знакомых, – пояснил Дронго. Он видел, как напряженно следят за разговором его сопровождающие.

– Кто вы? – спросил Бутцман. – Откуда вы?

"Ему наверняка заранее сообщили о моем приезде, – подумал Дронго. – Если они вели нас из аэропорта, значит предупредили Бутцмана. Он ведь бывший сотрудник разведки и должен понимать, что в Израиле ему позволяют жить только на условиях полной лояльности.

– Я приехал из Москвы, – сказал Дронго, заметив нервную реакцию Ларисы. Она взглянула на Андрея, но тот покачал головой, разрешая продолжать беседу. «Я был прав, – подумал Дронго. – Она – специалист по оперативным вопросам, а он аналитик». – Мне нужно с вами встретиться, мистер Бутцман, – продолжал Дронго, понимая, что по реакции собеседника он сумеет понять, насколько верны его подозрения.

– Хорошо, – сразу сказал Бутцман, – я готов с вами встретиться. Где и когда?

– Думаю, вы должны выбрать место встречи, – сказал Дронго. – Вы ведь лучше меня знаете Тель-Авив. Может, нам посидеть в каком-нибудь спокойном месте.

– В каком отеле вы остановились? – спросил Бутцман.

– В «Холидей Инн», на побережье.

– Знаю, – ответил Бутцман. – Встретимся в американском ресторане. Это недалеко от вашего отеля. Запишите адрес.

– Я лучше его запомню, – улыбнулся Дронго. – Ровно через тридцать минут.

Он прослушал адрес и положил трубку. Затем посмотрел на Андрея, стоявшего в проходе.

– У вас своеобразное мышление, – заметил Андрей. Он достал платок и вытер лицо. Дронго вдруг понял, что у Андрея вставлены линзы. Очевидно, раньше тот носил очки. И ему, конечно, не тридцать пять. Ему далеко за тридцать, может быть, сорок, может, даже больше, но выглядел он достаточно молодо.

– Зачем нужно было говорить о том, что вы из Москвы? – поинтересовался Андрей. – Вам нравится подобный эпатаж?

– Не люблю, когда меня держат за дурака, – сказал Дронго, устраниваясь во втором кресле, рядом со столиком. – Вы ведь понимаете, что за нами следили не просто так. Раз вы сообщили, куда и зачем мы едем, то Бутцмана наверняка предупредили. И я не сомневаюсь, что он заранее знал о визитере из Москвы. Более того, убежден, что наша беседа будет прослушана и записана на пленку. Поэтому я и предложил Бутцману самому выбрать место встречи. Зачем нервировать израильские спецслужбы? Пусть они видят, что мы играем в открытую.

– Я не уверен, что нужна подобная открытость, – задумчиво произнес Андрей, – но, возможно, вы правы, – это только поможет вам при общении с Бутцманом.

Его напарница молчала. Очевидно, она не решала подобные вопросы.

– Положите в карман наш микрофон, – предложил Андрей. – Мы будем в машине, рядом с рестораном и будем слушать вашу беседу.

– А если они попытаются подавить прослушивание? – спросил Дронго. – Они могут выбрать специальное место, где невозможно ничего услышать. Или установить скремблеры.

– У нас с ними своеобразное сотрудничество, – объяснил Андрей. – Мы знаем, что они знают, что мы знаем. В общем, мы делаем вид, что не замечаем их наблюдения, хотя понимаем, что они тоже будут прослушивать вашу беседу. Именно поэтому вам нужно построить беседу таким образом, чтобы они не поняли, о чем именно идет речь.

– А может, наоборот? – спросил Дронго. – Сказать правду, и таким образом уверить их в том, что я блефую?

– Не знаю, как это у вас получится! – развел руками Андрей. – Но в любом случае мы просили бы учесть, что вас будут обязательно записывать. А потом израильские аналитики будут изучать ваш разговор!

– Учту, – буркнул Дронго. – В таком случае легче было говорить по телефону, чем лететь сюда за столько километров.

Через тридцать минут они высадили его у американского ресторана и сразу отъехали. Дронго посмотрел по сторонам. На небольшой улице стояли две машины. В них сидели мужчины, которые внимательно смотрели в его сторону.

– Может, Андрей прав, – подумал Дронго. – Это страна, где слишком много профессионалов на один квадратный километр, где приходится труднее всего иностранным шпионам. Нужно вербовать кого-то из местных, но это чревато тем, что ваш агент всегда может выдать вас своему равнину.

Оливер Бутцман оказался человеком средних лет, с заметным брюшком, сильно полсевший с того времени, когда он работал в группе Хеелиха. На фотографиях десятилетней давности это был молодой человек с только намечающейся лысиной, довольно подтянутый. Сейчас это был раздобревший толстяк, страдающий одышкой. Ему было чуть больше сорока. Увидев Дронго, он поднялся из-за стола и кивнул, не протянув руки. Дронго сел напротив него, огляделся. В небольшом зале было не так много людей, но он не сомневался, что за ними следят сразу несколько пар глаз.

– Зачем вы хотели меня видеть? – спросил Бутцман. – Что вам от меня нужно?

– Может, что-нибудь закажем? – предложил Дронго. – Ведь неудобно сидеть просто так. Хозяину могут не понравиться такие клиенты.

– Хорошо, – усмехнулся Бутцман. – Что вы хотите? Я уже заказал себе пива.

– Я – чаю, – сказал Дронго. – И с лимоном, если можно.

Бутцман подозвал молодого официанта и сказал ему несколько слов. Затем добавил по-английски:

– Платить будете за себя сами. Я заказал вам чай.

– Это немецкая расчетливость или еврейская жадность? – улыбнулся Дронго.

– И то и другое одновременно, – сказал, тоже улыбнувшись, Бутцман. Прежняя настороженность уступила место интересу.

– Вы действительно из Москвы? – спросил он. – Вы похожи скорее на итальянца. Или вы с юга России?

– Примерно угадали. Но я не итальянец и действительно прилетел вчера из Москвы. Я не сотрудник спецслужб, если вас это интересует. Не офицер разведки, и уж тем более не работаю в спецслужбах. Я аналитик. Бывший аналитик «Интерпола» и специального комитета экспертов ООН. И меня интересует ваша прежняя деятельность.

– Как вас зовут?

– Обычно меня называют Дронго.

– Я о вас слышал, – кивнул Бутцман. – У вас характерная внешность борца или боксера. Хотя большой лоб выдает мыслителя. У боксеров обычно более узкие лбы. Говорят, вы просто

волшебник. Раскрыли несколько очень запутанных преступлений. У нас в Израиле писали об этом.

– Это только разговоры, – отмахнулся Дронго. – Людям нравится верить в сказки.

Официант принес бокал светлого пива и стакан чая с лимоном и, поставив все на столик, быстро отошел.

– Так что вас интересует? – спросил Бутцман. – Я уже давно сюда переехал и отошел от дел. Должен вас предупредить, что в Тель-Авиве знают, чем я занимался раньше. И если меня спросят о нашем разговоре, я не стану скрывать его содержания. Хочу, чтобы вы меня верно поняли. Здесь живет моя семья, старшая дочь собирается замуж. Мне совсем не нужны неприятности с местной службой контрразведки.

– Не сомневаюсь в вашей благонадежности в отношении нового государства, – иронично заметил Дронго. – И не собираюсь выпытывать у вас секреты Израиля. Мне они не нужны, да и вы мне все равно ничего не расскажете. К тому же, работая в строительной компании, вы могли узнать только секрет бетона или краски. А мне они ни к чему. Поэтому поговорим о вашем прошлом. Вы работали в группе полковника Хеелиха?

– Да, – кивнул Бутцман, – больше трех лет. Он был надежным человеком. Жаль, что все так получилось.

– Он погиб?

– Да. В ноябре восемьдесят девятого.

– Вы можете рассказать, как это произошло?

– Как будто вы не знаете, – усмехнулся Бутцман. – Сами все и устроили. Я думал, вы будете спрашивать о чем-нибудь другом.

– Меня тогда не было в Германии, – зло заметил Дронго. – Вы можете подробно рассказать, как он погиб?

– Конечно, могу. Об этом даже писали. Кажется, в девяносто втором или третьем, не помню точно. Полковник собрал нас восьмого ноября восемьдесят девятого года и поставил задачу вывезти часть архива «Штази». Документы они отбирали вместе с Шилковским, его заместителем. Мы работали целый день, грузили документы, уничтожали ненужные. Вечером в ночь на десятое мы выехали из города. Когда мы доехали до места, нас уже ждали советские представители. Они все были в штатском, но мы поняли, что это были русские. Один из них, поднимая ящик, уронил его себе на ногу и выругался отборным русским матом. Перепутать было невозможно. Они и не особенно скрывали. А мы, собственно, ничего другого и не ждали. В тот момент казалось, что все рушится, и КГБ спасает людей, забирая из наших архивов документы старой агентуры. Нам казалось, что это правильно. На обратном пути у нас спустилось колесо. В это время в городе уже прорвали Стену и границы уже не было. Хеелих приказал нам оставаться у автобуса, пока Менарт, который был за рулем, сменит колесо. А сам вместе с Шилковским поехал выручать двух наших товарищей, которые еще находились в здании «Штази».

Обратно они не вернулись. Когда мы приехали на место происшествия, там уже были случайные прохожие, какие-то люди. В эту ночь полиция вообще не работала. Удивляюсь, как этим не воспользовались грабители. Хотя, наверно, воспользовались, мы просто всего не знаем. Там было несколько русских, тогда еще советских, солдат с офицером. Мы не сомневались, что это они расстреляли наших товарищей. Гайслер даже попытался достать автомат, кричал, что отомстит за Хеелиха, и мы с трудом его успокоили. Мы ждали, когда убьют и нас, – ведь мы были посвящены в столь важную тайну. Все понимали, что следующая очередь будет наша. После смерти Хеелиха и Шилковского я был старшим по званию. Я и Нигбур, но его с нами не было.

Потом солдаты забрали Шилковского, он еще дышал, но был в очень тяжелом состоянии. Мы его осмотрели и поняли, что он не дотянет даже до больницы. Пуля попала в позвоночник,

он был обречен. А Хеелих погиб на месте. Их обстреляли из засады. Я думаю, что это сделали по приказу КГБ. Полковник верил Москве. Хотя мы все тогда вам верили. И вы нас так подставили. Мы ведь вывозили документы для вас. Хеелиха и Шилковского вы убрали, очевидно, решив, что они слишком много знают. Нас почему-то оставили в живых. Хотя я думаю, что, когда события стали разворачиваться таким образом, КГБ было уже не до нас. А потом Германия объединилась.

– А как сложилась судьба остальных сотрудников группы, вы не знаете?

– Знаю, конечно. Габриэлла вышла замуж и переехала в Нюрнберг. Нигбур с семьей живет в Гамбурге. Бруно Менарт развелся и уехал в Веймар. Кажется, в Веймар, но я точно не знаю. Гайслер сильно пил, он часто срывался, попадал в полицию. Потом исчез. Говорили, что его видели в Дортмунде, у родственников. Вайс умер. Вот, собственно, и все. А почему вы сейчас вспомнили про нашу группу? Уже прошло столько лет. Я думал, все забыли об этом.

– У нас появились подозрения насчет убийства Хеелиха, – пояснил Дронго. – Нам кажется, что кто-то из сотрудников вашей группы специально подставил своего командира. Но пока мы не знаем, почему.

– А какая разница, почему? – обреченно махнул рукой Бутцман. – Была ГДР, и больше нет такой страны. И никогда больше не будет.

– Ну почему не будет? Израиль возродился через две тысячи лет, – напомнил Дронго.

– А я не хочу, чтобы возрождалась. В той Германии было много хорошего, – сказал Бутцман, – но было и немало плохого. Но не поэтому. У меня остались к моей бывшей стране очень теплые чувства. Но в новой Германии я все равно не смог бы жить. А у немцев должна быть своя родина. Как у каждого народа на земле. И конечно, это очень страшно и неприятно, когда через столицу твоей страны проходит Стена, отделяющая тебя от твоих братьев. Знаете, я на выборах в Израиле всегда голосую за левых. За Рабина, Переса, Барака. Они предлагают хоть какой-то план, хоть какой-то вариант отношений с палестинцами. А наши правые думают построить новую Стену и забыть о своих соседях. Но так не бывает. И мы, немцы, это хорошо знаем.

Дронго подумал, что Бутцман остался профессионалом. Он наверняка знает, что их разговор прослушивается. И наверняка специально говорит о своих политических пристрастиях. Сотрудники спецслужб не скрывали своего благожелательного отношения к партии генерала Барака и своего недоверия к правым и религиозным партиям.

– Когда вы приехали на место гибели ваших товарищей, что вы увидели? – спросил Дронго. – Может, что-нибудь особенное бросилось в глаза? Какая-нибудь деталь?

– Нет, ничего необычного. Нападавшие прятались, очевидно, в кустах. Машину расстреляли из автоматов. Она загорелась и взорвалась. Позже мы узнали, что Хеелих погиб сразу, даже его труп сгорел. А Шилковский чудом выбрался из автомобиля, но получил несколько пулевых ранений и умер по дороге в госпиталь. Когда мы подъехали, он был без сознания и ничего не мог сказать.

– Как вы думаете, мог ли кто-нибудь из ваших бывших товарищей подставить Хеелиха и Шилковского?

– Думаете, у нас был предатель? – нахмурился Бутцман. – Нет. Это исключено. Я знаю каждого из оставшихся в живых. И за каждого могу поручиться. У нас были такие ребята! Нас осталось мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.